

18+

Алишер Тлаксанов

Жуткие
истории
о 2030 году

Алишер Таксанов

Жуткие истории о 2030 годе

«Издательские решения»

Таксанов А.

Жуткие истории о 2030 годе / А. Таксанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-690112-4

Произведения позднесоветской и постсоветской фантастики. Что если эволюцию пустить в обратный процесс — увидим ли мы Большой Взрыв? А если параллельный мир рядом, просто его нужно увидеть? Офицер Службы внутреннего пространства начинает схватку с врагом внутри тела президента. Иногда динозавра может убить тот, кто послан расследовать убийство.

ISBN 978-5-00-690112-4

© Таксанов А.
© Издательские решения

Содержание

ЖУТКИЕ ИСТОРИИ О 2030 ГОДЕ	6
Предисловие	6
ВИДЕОСЕАНС	8
ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР	19
ВОЙНА МАШИН	30
ТЕОРИЯ БОЛЬШОГО ВЗРЫВА	35
СИЛА МУРАВЬЯ	43
НЕОЭВОЛЮЦИЯ	47
МОЗГИ ПАЦИФИСТА	52
ФОРМУЛА МОЛОДОСТИ	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Жуткие истории о 2030 году

Алишер Таксанов

Редактура ChatGPT

Иллюстрации ChatGPT

© Алишер Таксанов, 2026

ISBN 978-5-0069-0112-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЖУТКИЕ ИСТОРИИ О 2030 ГОДЕ

(Сборник произведений позднесоветского и постсоветского периода)

Предисловие

Конец 1980-х и начало 1990-х – это время больших социально-политических и экономических перемен и потрясений. Разрушился Союз. Республики стали независимыми. Старые карты мира с хрустом сложились, как пересохшая бумага, а новые ещё не успели обрести ни чётких контуров, ни устойчивых названий. Экономика трещала, идеологии растворялись, но на этом фоне у людей неожиданно обострился интерес к будущему. К новым технологиям, к экстрасенсорике, к теориям заговоров, к палеоконтактам. На кухнях и в газетных колонках, в телепередачах и полулегальных брошюрах обсуждали одно и то же: человечество стоит на пороге чуда. Всем казалось, что до Марса рукой подать, что болезни вот-вот излечат, что инопланетяне прилетят, вмешаются и всё наконец будет хорошо – если не справедливо, то хотя бы понятно.

Но наряду с этим восторженным шумом существовал и другой хор, более тихий и зловещий. Некоторые эксперты, учёные, футурологи и просто люди с мрачным воображением предсказывали совсем иное. Они говорили, что Чёрное море может загореться от накопившихся газов, что в США, где-то под Йеллоустоуном, рванёт супервулкан и накроет пеплом половину планеты, что откроются врата в параллельные миры – не метафорические, а вполне физические, с разрывами реальности и утечкой неизвестно чего. Автоматические станции, отправленные к далёким мирам, якобы занесут со спутника Юпитера Европы на Землю смертельные микроорганизмы, к которым у биосферы не будет ни малейшего иммунитета. И, разумеется, экология: вырубленные леса, отравленные реки, перегретая атмосфера, пластик в океанах и городах, пожирающие пространство быстрее, чем человек успевает осознать последствия. Все негативные тенденции, говорили они, будут накапливаться, наслаиваться, усиливать друг друга и к 2030 году сойдутся в одной точке. После чего начнётся Апокалипсис – не обязательно мгновенный и огненный, но неотвратимый, растянутый во времени, будничным и потому особенно страшным.

Тогда казалось, что до этого ещё далеко. Какие-то там сорок лет – почти вечность. За это время можно всё исправить, передумать, свернуть не туда, а потом вернуться. Прогнозы могут не сбыться, модели – оказаться ошибочными, а самые страшные сценарии – всего лишь плодом паники и плохо выпавшихся умов. Но именно в те годы писатели-фантасты начали особенно активно описывать миры, которые возникнут после этой условной даты. Кто-то видел будущее светлым и технологичным, с разумными машинами и победой над смертью. Кто-то смотрел на него скептически, населял его руинами мегаполисов, дефицитом воды и обрывками старых мифов вместо идеологий. Эти тексты были попыткой нащупать контуры грядущего, заглянуть за горизонт, где ещё не было ни статистики, ни отчётов, только интуиция и страх.

Я тогда был молод и твёрдой позиции не имел. Мне казалось, что истина, как всегда, где-то посередине, но где именно – понять было невозможно. Поэтому описание 2030 года у меня вышло сумбурное, противоречивое, местами наивное, местами мрачное. В нём соседствовали надежда и усталость, технический прогресс и ощущение надвигающейся пустоты. Это был не прогноз и не предупреждение, а скорее попытка зафиксировать состояние ума человека, живущего на переломе эпох и пытающегося представить будущее, которое уже тогда медленно, почти незаметно, подступало. Думаю, читателям самим выбирать, удалось ли мне описать это уже близкое будущее – или я всего лишь запечатлел страхи и ожидания своего времени, которые сказали о нас больше, чем о самом 2030 году.

(Алишер Таксанов 25 декабря 2025 года, Винтертур, Швейцария)

ВИДЕОСЕАНС (Юмористическая фантастика)

Бюро прогнозирования погоды, как всегда, обмануло. 24 июля вместо прохлады, как сообщалось накануне в метеосводке, в городе было необычайно жарко. Асфальт буквально кипел под колесами автомашин, а ноги прохожих вязли в тесте, именуемом тротуар. Не выдерживали высокой температуры и деревья, скидывая листья. Люди спасались от зноя в зданиях и салонах автомашин, где вовсю работали кондиционеры.

По улицам тек горячий воздух, словно невидимая река, и город, обычно шумный и живой, будто попал под гипноз: звуки стали вялыми и глухими. Люди двигались медленно, не поднимая взглядов, согнувшись от жары. Лица у всех были красные, усталые, покрытые липким потом. Даже тени казались расплавленными и вязкими, как растянутые нитки карамели. Воздух дрожал над крышами автомобилей, и от этого дрожания улица выглядела зыбкой, нереальной. Казалось, ещё немного – и город превратится в мираж.

В видеопрокате «Вилтонс бразерс» на Гайт-стрит было тихо. Еще не было двенадцати часов дня, а клиентов раз-два и обчелся. Владелец Джордж Вилтонс стонал от злости, но ничего не мог сделать. Джордж был массивным мужчиной под сорок, с круглым красноватым лицом и короткой шеей, утопающей между плечами. Пот блестел у него на висках, и рубашка в мелкую клетку прилипла к спине. Он тяжело дышал, чуть посапывал, будто его только что подняли на пятый этаж пешком. Глаза – маленькие, недовольные, усталые – бегали по полкам с кассетами, но даже они выглядели уставшими от жары. Его движения были резкими, раздражёнными, как будто любое действие причиняло бессилие и боль.

Ведь не было прямой связи с Богом, которому можно было звякнуть и сказать: «Привет, Господи, как дела? Слушай, у нас тут вода кипит на улицах. Ты не мог бы включить холодильник и остудить город, а?». Если человек был способен изменить политический режим, проголосовав за другого кандидата в президенты, то уж погоду изменить он никак не мог.

От нечего делать Джордж прокручивал последние видеозаписи. Его настроение еще сильнее падало, когда он с каждой новой кассетой убеждался, что поставщики опять провели его за нос, всунув халтуру. То есть фильмы были сами по себе ничего, а вот записи оставляли желать лучшего. Наверное, где-то в городе открылся подпольный цех по пиратскому копированию.

Кассеты выглядели так, будто их кто-то собирал из мусорных ящиков: пластиковые корпуса были поцарапаны, края наклеек – оборваны. На экране изображение то исчезало, то появлялось, дергалось, трещало, а иногда проседало до серой ряби, похожей на метель посреди лета. Звук был таким хриплым, будто динамики засовывали в ведро с песком. Любой зритель возненавидел бы такой просмотр, а Джордж ненавидел этот брак втройне – ведь он терял на нем деньги.

– Нет, эта неделя явно не благоприятствует мне, – прошипел Джордж. Он был толстым увальнем и пыхтел не только от жары, но и от лишнего движения. – Надо было посмотреть гороскоп раньше...

– Видимо, это из-за жары, – произнес Майкл Маккилтон, который сидел в кресле у витрины и потихоньку тянул через трубочку кока-колу из банки.

Майкл был худощавым, подтянутым, с вечно расслабленным видом человека, который привык не напрягаться. Лет двадцать восемь – не больше. Темные, чуть выющиеся волосы спадали на лоб, глаза блестели ленивым интересом, словно он наблюдал за миром через полупрозрачную занавеску. На нем были светлые шорты, майка и старые, но чистые кеды – минимум одежды, максимум удобства. В руке – алюминиевая банка, на коленях – локоть, на лице – полулыбка. Его поза говорила: жизнь хороша, просто иногда слишком жаркая.

Ему было скучно. Как совладелец проката он, впрочем, мог бы найти себе занятие, но сейчас ему было лень выходить под солнце. Впрочем, вечером его ожидали две девчонки из колледжа и дискотека.

В такую погоду вряд ли кто захочет из-за кассеты лишний раз печься как в микроволновой печи, – продолжал Майкл. – Если жара не спадет к концу недели, то доходы не позволят тебе приобрести новую «Мазду», просьбами о которой тебя уже столько дней мучает твоя женушка.

– Эти бабы совсем с ума сходят, – выдавил из себя Джордж. Он брезгливо достал из видеомэгафона кассету с записью эротики и бросил ее в урну. Уж такой чепухи ему видеть никогда не приходилось. – Все им мало. Так что не женись, Майкл, чтобы потом не кусать себя за локти.

В этот момент стеклянная дверь открылась, и в помещение стремительно вошел Боб Аткинс, многим известный в городе как Балбес – кстати, очень меткое прозвище. Он был владельцем видеозала «Попугай Чичо», что располагался на Оливер-стрит, в трех кварталах от заведения братьев Вилтонс. Джордж его недолюбливал. Ведь этот кретин был единственным прокатчиком, который брал кассеты с большими претензиями, часто в долг, а затем месяцами не приносил деньги. Но спорить с ним было хуже, чем просто терпеть убытки. Майкл же равнодушно относился к Бобу, словно того и не существовало.

– Хелло, Боб! – подняв руку, приветствовал Джордж. Нелюбовь – нелюбовью, а в коммерции нельзя показывать истинные чувства. – Как дела?

Боб, высокий и худой крепыш, с острыми чертами лица, словно какой-то скульптор лепил его с помощью острой бритвы, сначала посмотрел в сторону Майкла. Тот удивленно вскинул брови, мол, чего тебе от меня надо, по всем вопросам обращайся к Джорджу. Но Аткинс и не думал вступать в беседу с младшим Вилтонсом. Он только хмыкнул и повернулся к Джорджу.

– Слушай, Джордж, – перегнувшись за борт стойки, горячо прошептал Балбес. В лицо Джорджа ударил противный запах нечищенных зубов, видимо, Боб не знал, что такое гигиена полости рта.

От него пахло кислым, затхлым воздухом, словно он только что ел старый лук и запивал его протухшим сидром. Рот был полон мутного налета, зубы – желтые, кое-где сколотые. Казалось, дыша, он выпускал в мир гнилые облака. Запах был вязким, удушливым, настолько сильным, что глаза начинали слезиться.

Джорджа чуть не стошнило, и он с завистью посмотрел на брата, которому не приходилось беседовать с этим неприятным типом.

– Подожди-ка, Бал... то есть Боб! Ты знаешь, что такое «Пепсодент»? – не выдержав «аромата», произнес Вилтонс-старший. Данная зубная паста была популярна в народе, но видимо Балбес о ней не знал.

– К черту твой «Пепсодент»! – рявкнул Аткинс. – Свои шуточки преподноси безмозглому Майклу! У меня к тебе серьезная просьба!

– Какая?

– Мне в срочном порядке нужны самые эффектные фильмы, которые только имеются в вашем второсортном заведении! Не туфта, что подсовывал раньше, а первый класс!

– Нужны так нужны, – проворчал Джордж, обиженный несправедливым отношением к его прокату. Ведь несмотря на то, что ему самому часто подсовывали халтуру, Джордж, однако, не поступал так со своими клиентами. Он всегда предоставлял им лицензионные и качественные записи, и, кроме как от Боба, больше ни от кого не слышал претензий.

Лицо Джорджа ощутимо потемнело: брови сошлись на переносице, губы поджалась, и в глазах мелькнула обида, тонкая, но едкая. Он поднялся из-за стола, чтобы скрыть раздражение, провел рукой по уставшим глазам, будто стирая раздражение, и, чуть кривя губы, принялся перебирать кассеты на полке.

Слова Аткинса вызвали усмешку у Майкла. Он считал, что не стоит тратить нервы и внимание на этого придурка, от которого шарахаются все девушки.

– А ты чего сегодня такой взлохмаченный, словно по тебе прошло стадо бегемотов? – только сейчас Джордж заметил торчащие в разные стороны волосы на голове Аткинса, мешки под его глазами и яростный взгляд. У Вилтонса мелькнула мысль, что Балбес совсем с роликов съехал. – У тебя какие-то неприятности? Произошло что-то из ряда вон выходящее? Ты не похож сам на себя...

– Ты узнаешь новости в городе самым последним, брат, – невозмутимо подал голос из угла Майкл. – Всем известно, что длинноногая Джейн ушла от Боба. Теперь она с каким-то рокером водится. По ночам они в обнимку на «Хонде» шпарят, да с таким грохотом, будто специально сняли с мотора глушитель.

Джейн Калувэй считалась одной из красивых девушек города. Стройная, гибкая, с длинными каштановыми волосами, которые ниспадали по плечам мягкими волнами. Ее большие серые глаза притягивали внимание, а улыбка – теплая и открытая – способна была обезоружить любого. Она носила легкую одежду, подчеркивающую тонкую фигуру, и двигалась с редкой для местных девушек уверенной грацией. Джейн умела держаться так, будто знала себе цену, но при этом не кичилась этим. В компании она смеялась звонко, искренне, и любой парень рядом чувствовал себя заметнее, важнее, живее...

Многие парни удивлялись, что она нашла в таком придурке как Балбес. Но, видимо, цепь, которая их раньше связывала, лопнула, и это обстоятельство вызвало удивление у Джорджа. Ведь он, честно говоря, сочувствовал Калувэй.

Зато эти слова вызвали ярость у Боба.

– Заткнись! – рявкнул он, повернувшись к Майклу. На его лице выступили красные пятна негодования. Было заметно, что он с трудом сдерживает себя от того, чтобы не полезть в драку. Майкл задел его кровоточащую рану. – Это не твоя проблема!

Майкл, даже не изменившись в лице, пожал плечами. Он не боялся Аткинса и в случае чего мог продемонстрировать пару приемов айкидо.

– Да мне, честно говоря, все равно. Но раз у тебя из-под носа увели такую милашку, да не кто-нибудь, а вшивый мотоциклист с амбарными замками и собачьими цепями наперевес, то это говорит, скорее всего, о твоих недостатках. Согласен, в силе тебе не отказать, зато в умственных способностях, – тут Майкл постучал пальцем по лбу, – ты многим уступаешь. Характер у тебя, Балбес, прескверный, и пока ты не возьмешься всерьез за исправление дурных привычек, даю гарантию – Джейн не вернется.

– Она еще пожалеет, что променяла меня, – буркнул Аткинс и потерял всякий интерес к беседе с Вилтонсом-младшим. Он медленно обернулся к Джорджу, который с явным интересом слушал разговор. – А ты чего глаза вылупил? Вместо того чтобы выполнить мою просьбу, сидишь, как на унитазе, и, развесив уши, слушаешь стрекотню милейшего братца... Ох, уж эти мне прокатчики, лишь бы цены набить и обвести вокруг пальца!

Это окончательно добило Джорджа. Он решил не возиться с Балбесом, а просто протянул ему список, который вытащил из компьютерного принтера.

– Пожалуйста, выбирай сам, что душе угодно. Только потом претензии не принимаем! В списке самые лучшие телепрограммы и фильмы сезона. Если тебе нужна музыка, то посмотри концерты Майкла Джексона или Стинга...

– Мне нужны фильмы, – перебил его Боб, жадно рассматривая бумагу.

Боб схватил лист обеими руками, словно боялся, что его могут отнять. Тонкие пальцы оставили на краях бумаги вмятины. Глаза бегали по строчкам, широко раскрытые, напряженные – будто он искал там не названия фильмов, а ответ на собственную судьбу. Он наклонился ближе, скребуще заскрипев стулом, и в его взгляде появилось что-то болезненно восторженное: словно вот-вот он обнаружит фильм, который изменит всё.

– А-а, понятно. Тогда переверни страницу. Там есть неплохие триллеры, эротика, боевики, комедии и мистика.

– Мне нужна только фантастика, причем сделанная на самом высоком уровне!

– Что ты подразумеваешь под фразой «на самом высоком уровне»? – удивился Джордж.

– Спецэффекты, компьютерная графика, динамичный сюжет... Так, «Чужие», часть девятая. В главной роли – не умирающая Сигурни Уивер. Двухчасовой фильм... М-мм, не годится. Посмотрим дальше. «Ад Фреди Крюгера», из киносериала «Кошмар на улице Вязов», пятнадцатая серия... Гм, тоже не то... Ну-ка, а это что?.. «Битва терминаторов», в роли киборга-убийцы Арнольд Шварценеггер... Опять осечка!

– Какая осечка?! – Джорджу не понравилась оружейная терминология в оценке фильмов. – Ты чего несешь? Ведь это самые классные фильмы. Многие из них имеют по несколько «Оскаров», а также призы международных кинофестивалей. Один только «Ад» принес кассовый сбор в сто миллионов долларов за три месяца проката. Чего тебе еще надо? Слушай, Бал... Боб! Ты всегда был привередливым, но сегодня ты переплюнул самого себя. Может, тебе обратиться к психиатру?

– Уточняю: к сексопатологу. Только он способен решить аткинскую проблему, – снова вякнул Майкл, но Балбес пропустил язвительную усмешку мимо ушей, лихорадочно ища в списке что-нибудь подходящее. Сейчас он действительно напоминал человека, нуждающегося в услугах врача. Джордж даже заметил, что пальцы Боба дрожали, а дыхание стало прерывистым.

– Ага, нашел! – радостно возопил Балбес и даже сплясал что-то вроде буги-вуги. Джордж покрутил пальцем у виска. Майкл хмыкнул и вновь уставился на окно, рассматривая редких прохожих.

– «Нашествие динозавров»! Фильм Джорджа Лукаса! Двухчасовой фильм о монстрах юрского периода. Это мне и нужно! Я всегда любил рептилий!

– Так завел бы себе варана или крокодила, – посоветовал Джордж. – И зал свой переименовал бы, например, в «Аллигатора Чичо». Как, классно я придумал, а?

Шутка не понравилась Балбесу – он фыркнул, будто проглотил комок горячей пыли. Ноздри вздрогнули, верхняя губа дернулась, а глаза сузились. На мгновение казалось, что он вот-вот бросится на Вилтонса, но Боб сдержался, зажав раздражение в кулаке.

– Ты лучше не ехидничай, а давай кассету!

– Просматривать будешь? – спросил Вилтонс, вставая со стула и подходя к стеллажам, где находились десятки тысяч видеокассет, лазерных дисков и пластинок.

– Нет!

– Еще что-нибудь выберешь?

– Хватит и одной кассеты. Завтра принесу!

И тут, на удивление Джорджа, Боб достал деньги и швырнул в кассу несколько зеленых купюр.

– Сдачи не надо, – неожиданно расщедрился Аткинс.

Измученный Джордж достал с полки черную коробку BASF и протянул ее Бобу. Тот ухватил ее так, словно это был спасательный круг, выдернутый из бушующих волн. Глаза его блеснули странным, тревожным светом. Не проронив больше ни слова, он быстрым шагом покинул помещение – стеклянная дверь хлопнула за спиной, и прокат снова погрузился в томную, влажную тишину.

Джордж проводил его долгим взглядом, размышляя, что взбрело в голову этому городскому забияке.

– Странный он какой-то, ты не заметил, Майкл?

– Да брось ты, брат. Просто рехнулся парень на почве ревности, – махнул рукой Майкл и, откупорив новую банку колы, поудобнее уселся в кресле. Скучать ему оставалось недолго. Он лениво перекинул ногу через ногу, закинул голову на спинку кресла и усмехнулся. В голове

уже вертелись мысли о предстоящей дискотеке и двух студентках, которые наверняка не дадут ему заснуть до утра.

...Боб стремительно шел по дороге, и город плыл перед глазами, словно мираж. Асфальт дымился от жары, над крышами домов висел колышущийся маревом воздух. Дома на Гайт-стрит, как и люди, выглядели измученными: вывески выцвели, стекла в окнах мутнели от пыли, прохожие вяло перемещались от тени к тени. Жизнь будто ушла из этого места, оставив лишь духоту, запах разогретой резины и ощущение безысходности.

Боб ничего не замечал вокруг. Он мог бы быстрее добраться до «Попугая Чичо» на такси, однако так погрузился в свои мысли, что даже не подумал о транспорте. В голове у него все вертелось со скоростью центрифуги, картины предстоящего сменялись одна за другой, вызывая чувства злорадства и сладострастной мести. Если бы в этот момент случайные прохожие увидели страшное, перекошенное лицо, то поняли бы, что этот человек замышляет что-то нехорошее. И наверняка бы вызвали полицию или, по крайней мере, врача по 911.

Хватит, натерпелся, шептал Балбес, сегодня я положу конец своему унижению! Его чувства клокотали подобно грязевому вулкану: внутри кипела слепая ярость, клокотали страх и тщеславие, всплывали унижения, обиды, оскорбления, настоящие и выдуманные. Каждая мысль была как огненный пузырь, лопающийся в кипящей массе эмоций.

И эта дрянь Джейн променяла его на какого-то бездаря с вонючей «Хондой»! А ведь он водил ее по дорогим ресторанам, делал покупки, и скольким парням из-за нее поразбивал носы. Как она могла после этого так безрассудно поступить? В чем причина?

Да, он, Боб, далеко не сахар и часто поступал не так, как следовало бы: ну, грубил иногда, бывало, выпивал до потери пульса, бесцеремонно вел себя в обществе, отчего Джейн приходилось краснеть. Но ведь он человек, и ничто человеческое ему не чуждо.

Разве можно жить как кисель в этом болотном обществе, сам себя вопрошал Боб, и сам отвечал: конечно, нет! Я привык жить с размахом. Здесь существуют законы Дарвина: выживает сильный. А разве он жил не так, по естественным законам? Ведь на то он, в конце концов, и мужчина, хотя Джейн считала его порядочным эгоистом и подлецом.

Ха, наверное, в своем новом кавалере она увидела те качества, которые отсутствовали у Балбеса. Ерунда! Какие у этого сосунка могут быть качества? Все лицо в прыщах, мускулов мало и тупой вдобавок. А кто любит носиться ночью на мотоцикле? Только люди с психическими отклонениями.

– Это ему, а не мне нужен врач! – выкрикнул Боб, вспомнив слова Майкла.

В этот момент женщина, выходящая из машины на перекрестке, услышала его возглас, испугалась и юркнула обратно в кабину. Ее лицо побледнело, губы приоткрылись, будто она хотела что-то сказать, но страх перехватил дыхание. Автомобиль дрогнул, фыркнул, словно взволнованное животное, и мгновенно рванул с места, оставив за собой резкий запах бензина и ошарашенный воздух.

Аткинс расхохотался. Его смех был хриплым, резким, почти безумным. Город дрогнул и пополз дальше под зноем, а он шагал вперед, стискивая в руке черную коробку с фильмом, будто оружие.

Вот поворот, а там до Оливер-стрит, где находится его любимый «Попугай Чичо», рукой подать. «Там и отыграюсь за все, – зло подумал Боб. – Отомщу за поруганную и униженную честь. Отольются, так сказать, кошке мышкены слезки».

Он продумал все до мелочей. Несмотря на презрительное отношение к нему, Джейн, однако, часто посещала видеозал. И дело не в том, что Боб разрешил ей пожизненный бесплатный вход. Просто здесь крутились самые лучшие фильмы. Впрочем, в «Попугае Чичо» тусовалась вся молодежь квартала. Сам Боб немало вложил денег, чтобы превратить бывший грязный спортзал в красивое культурное заведение. Одна обшивка потолка чего стоила: панели из светлого дерева с инкрустацией, аккуратно отполированные до блеска, с прячущимися в них динамиками, создающими эффект объемного звука, не говоря уже о видеотехнике – последнему писку японской науки и промышленности: проекторы с лазерной оптикой, стереосистема Dolby, экраны с ультравысоким разрешением, которые могли оживить любой кадр.

Так вот, сегодня Джейн собиралась пораньше освободиться с работы (а работала она официанткой в кафе «Падающая звезда» и заочно училась на философском факультете местного университета) и вместе с подругами и дружкой прийти на просмотр новых фильмов. Об этом Боб точно знал через подставных лиц. И тут их ожидал суперсюрприз.

Нет, Боб не имел в виду удивить их суперзрелищной лентой. Сюрприз заключался в небольшом приборе, который Аткинс сумел через сержанта ВВС Мака Дилон, старого друга и однокашника, на время позаимствовать на военной базе «Red Star». Сержант Дилон был коренастым мужчиной с широкой грудью, густой бородой и взглядом старого солдата, привыкшего к секретам и строгой дисциплине. Размером с чемоданчик и весивший не более десяти килограммов, прибор являлся чудом техники секретной лаборатории. Назывался он масс-детектор.

Кто его лично создал и по какому принципу прибор действовал, было скрыто за семью печатями, да и Бобу ни к чему была эта информация. Важно то, что мог делать масс-детектор. А вот его возможности были поистине фантастическими. Аткинс не раз перечитывал паспортные данные прибора: «Материализация любого объекта посредством внесения информации – фотографии, голографии, видеосъемки и компьютерной графики. Любой кадр можно вопло-

тить в трехмерной реальности, придать ему объем, текстуру и вес. Превратить изображение в материальный объект, который ощущается всеми органами чувств».

Дело в том, что военные намеревались установить этот прибор на одном самолете, чтобы затем, включив, создать в реальности сто таких самолетов. Тогда противники сойдут с ума, сбивая фантомные бомбардировщики. Такое же предполагалось сделать и с ракетами, танками, подводными лодками. Министерству обороны даже не надо больше закупать вооружение – его материализовал бы масс-детектор, создавая точные копии сложных машин с механикой, электроникой и оружием. Поэтому не зря прибор хранили на военной базе, и сведения о нем имели всего несколько десятков человек в стране.

Масс-детектор обошелся Бобу в тысячу кредиток и был арендован на сутки. Завтра утром за ним должен был прийти сержант Дилон. А сейчас он находился в будке видеомеханика. План был прост и гарантировал полный успех. Аткинс не зря взял кассету о хищниках мезозоя. Во время демонстрации фильма он предполагал включить масс-детектор, который своим волшебным лучом материализует тиранозавра. Тот мгновенно оживет и сойдет с экрана – огромный, бронированный, с шершавой кожей и зубами длиной с руку человека. Челюсти скрипят, когти вгрызаются в пол, глаза сверкают безумным огнем. Каждый шаг монстра отзывается глухим грохотом, вибрацией, которая ощущается всем телом.

Какие будут ощущения у Джейн и этого лихача, можно только гадать: страх, паника, невозможность вырваться, ощущение, что реальность распадается на части. А когда он сожрет всех (а Боб специально закроет дверь на щеколду, чтобы никто не ушел от кровожадных челюстей), останется только отключить прибор, и чудовище исчезнет в мгновение ока вместе с жертвами. Никто не сможет найти их тела, а значит, обвинить Балбеса в преднамеренном убийстве невозможно. Кто поверит, что с телеэкрана сошел динозавр – это же полный абсурд!

А прибор вновь вернется в сейф лаборатории. Но поскольку никто не посмеет разгласить сведения о наличии секретного аппарата с такими возможностями, да и на «Red Star» простому смертному путь заказан, то получается – все концы в воду. И если все пройдет удачно, то и в дальнейшем Боб будет так расправляться со своими врагами. Кстати, вторыми на очереди братья Вилтонсы – их видеопрокат Аткинс терпеть не мог. Он с удовольствием отыграется на людях, которые смели смеяться над его методом управления кинозалом и упрекать его в тщеславии.

В квартале от «Попугая Чичо» Боб встретил ватагу юнцов – ребят с выгоревшими от солнца волосами, разноцветными прическами, панками и хиппи, с браслетами, серьгами, золотыми зубами. Они катались на скейтах, испуская ветер на асфальт, и казались частью городского потока, не обращая внимания на раскаленный воздух.

Увидев Боба, они радостно заверещали:

– Хэй, Балбес, чего сегодня на вечер? Мы придем!

– Приходите, ребята, – радушно ответил Боб, пересчитывая количество будущих блюд для динозавра. Их было десять. – Я достал захватывающий фильм о рептилиях юрского периода. Называется «Нашествие динозавров». Полный кайф на два часа! Открою, как всегда, в шесть вечера...

– Мы придем, Балбес, – пообещали ребята.

Уже через десять минут Боб открывал входную дверь своего видеозала. Первым делом он заглянул в кабину видеомеханика и успокоился, увидев, что с прибором ничего не случилось. Ведь пропади он отсюда, поднялся бы страшный переполох. Военная разведка вытрясла бы всю страну, но нашла бы масс-детектор. А что стало бы с ним, Балбесом, нетрудно догадаться.

– Так, – произнес Аткинс и взглядом прошелся по студийной аппаратуре: три видеоманитофона «Акай», усилитель «Sony» и подключенный к общей сети масс-детектор. Сам видеопроектор находился в зале. – Надо испробовать прибор в действии, – решил Боб, быстро достал видеокассету и, сунув в щель «видика», перемотал на середину, где, по его разумению, должна

была быть самая эффектная часть. Прежде чем он запустит монстра на людей, нужно проверить, а получится ли у него задуманное вообще. А вдруг прибор не сработается с видеомагнитофоном?

Он на несколько секунд замер, поскольку с этого момента готовился переступить какой-то барьер в своей душе. Но затем обида и злость взяли верх, и рука сама нажала на кнопку «play» в видеосистеме и «power» в масс-детекторе одновременно. Луч света из прибора вспыхнул зеленовато-голубым сиянием, окружающее пространство вибрировало, словно воздух превратился в жидкость, и напряжение достигло апогея.

Майкл допивал последнюю банку кока-колы и уже мысленно прокручивал заготовленную для девушек речь, когда раздался ужасный грохот. Он разнесся по залу, стекла в окнах задребезжали, провода с линий электропередач зазвенели, параболические антенны с крыш домов задрожали. Пол видеопроката вздрогнул, стены затрещали, но выдержали. Джордж, который до смерти боялся землетрясений, проявил неожиданную прыть и выскочил из-за стойки. При его телосложении это было удивительно: толстый и коренастый, он двинулся, как спортивный атлет, почти безразлично к весу собственного тела. Но сейчас братьям было не до смеха.

– Что это, Майкл?! – закричал Джордж, став белым, как мел. – Вулкан, что ли, проснулся? Или торнадо прошло по городу?

– Н-не-знаю, – растерянно ответил брат и вдруг, что-то заметив, выбежал на улицу. Оттуда вскоре раздался его возглас. В нем Джордж уловил панические нотки: – О, господи! Это война!..

Над домами величаво поднимался огненный шар, затмевая солнце. Он переливался красным, желтым и черным, отражаясь в стеклах и лужах, словно город окутало пламя чужой планеты. Однако его сияние было недолгим, поскольку вместо него стал возникать темный гриб. Нечто подобное братья видели в документальных лентах о бомбардировке Хиросимы и Нагасаки.

– Неужели русские напали? – выдохнул Джордж. Тут в лицо им ударил тугой, плотный воздух, уши резанул зловеющий гул. От силы удара они свалились с ног: бетон и плитка дрожали под тяжестью невидимой волны, пыль и осколки кружились в воздухе, создавая хаотический водоворот. А когда Вилтонсы встали, то все исчезло, словно наваждение.

– Так что же это было? – недоумевал Джордж. – Мы видели атомный взрыв! Я уж думал, что нам каюк...

Тут из-за домов вереницей выскочили полицейские машины и, включив sireны и мигалки, устремились в сторону Оливер-стрит. Туда же через несколько минут проехали три пожарные машины, сопровождаемые клубами дыма и резким запахом горелого, сигнала громкими гудками и прокладывая путь к эпицентру событий.

– Это в районе, где расположен «Попугай Чичо», – заметил Майкл, о чем-то размышляя. – Может, рэкетеры подложили бомбу Бобу и рванули помещение за то, что он не уплатил налог?.. Кстати, Джордж, а что ты ему дал?

Вилтонс-старший вернулся к себе и просмотрел записи.

– Фантастику, насколько я помню. Он просил «Нашествие динозавров» и... – тут Джордж выругался.

– Что там? – услышал Майкл.

– А-а, перепутал коробки! Я ему, оказывается, всучил «Ядерный полигон» – фильм о третьей мировой войне. Это страшная картина-катастрофа!

– Ха, такое впечатление, что у Балбеса там произошла эта самая третья мировая война, – хмыкнул Майкл и носком туфли отодвинул с дороги кусок стекла, выпавший из витрины, чтобы прохожие случайно не поранились. Вечеринка откладывалась на неопределенное время. Одна уборка и замена витрины требовала времени и десятка три кредиток.

– Если рэкетеры будут так разбираться с бизнесменами, то с кого они потом будут брать налоги? – ворчал Джордж. – Сколько убытков мы понесли!

– Интересно, – Майкл опять посмотрел в сторону Оливер-стрит. – Что же там так взорвалось, будто атомная бомба? После такого вряд ли что-то и кто-то мог уцелеть...

Он был прав. Огромная волна хаоса, столбы дыма и огня, искры и обломки – все это оставляло ощущение, что город вот-вот расколется надвое. И среди этой паники, словно единственный центр реальности, стоял видеозал Боба Аткинса. Там, в кабине видеомеханика, мелькала зеленовато-голубая вспышка прибора – а значит, Балбес получил свою победу, и никто не осмелится усомниться в могуществе масс-детектора.

(Сентябрь 1991 года, Ташкент)

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР (Фантастический рассказ)

Все началось из-за Димкиного чрезмерного увлечения физикой и фантастикой. Будь он неучем или бездельником, было бы все иначе. Я и он не пережили бы минуты ужаса, а слесари-сантехники остались бы в живых. Читать бы Димке детективы, так нет, формулы ему подавай, да расчеты...

Ну ладно, начну все по порядку.

В субботу по просьбе Димкиных родителей я зашел к своему товарищу, чтобы побыть вместе, пока не придут сантехники из ЖЭКа и не установят новый унитаз. По словам матери, работнички должны были быть в десять часов утра. Я же, как солдат, явился в девять тридцать.

Каково же было мое удивление, когда я застал Димку не нежившимся в постели, а за письменным столом. Его волосы торчали во все стороны, как будто он провел ночь в шторме, а глаза были красные и опухшие, словно он пролил целый океан слез. На щеках виднелись следы недосыпа, а пальцы быстро бегали по страницам, словно клавиши пианино, выжимая из бумаги каждую букву и цифру.

– Привет, чучундра! – хлопнул я его по плечу.

Димка меня, наверное, ждал, так как не вздрогнул, а поднял глаза и коротко ответил:

– Салют, бобик! – и вновь окунулся в волшебный, как он считал, мир физики и математики. Я знал по опыту, что если он нырнул туда с головой, то даже за уши его оттуда не вытащишь. Его взгляд становился стеклянным, голос – приглушенным, а весь мир вокруг как будто переставал существовать, оставляя только формулы, чертежи и невидимые математические законы, подчиняющиеся исключительно его воображению.

– Это мы, вроде бы, не проходили, – сказал я, окинув взглядом испещренные страницы. – Даже, наверное, в десятом классе подобного не задают.

– Это не домашнее задание, а уравнения высшей математики, – пробурчал Димка, недовольный, что я так принизил значение его формул. – Это и студентам вузов не под силу.

– А ты тогда чего зубы ломаешь об этот гранит науки? – хмыкнул я. – Эйнштейном решил стать?

– Я ищу параллельный мир!

– Чего-чего? – чуть не задохнулся я от смеха. – И на это ты потратил целое утро?

– Целую ночь! Я сел за расчеты вчера вечером, в семь часов.

Я знал причуды своего друга и только пожал плечами. Димка – отличный парень, эрудированный и талантливый. Будь моя воля, я бы присудил ему степень доктора наук. Согласитесь, не каждый способен из любой чепухи сотворить достижение научно-технического прогресса. Например, соседке тете Клаве он из холодильника соорудил какой-то сложный агрегат с программным управлением, состоящий из проводов, моторчиков, датчиков и мигающих лампочек. Никто из приглашенных техников не понял, для чего он нужен и как работает, а разобрать устройство они так и не смогли, оставив его на вечное хранение на кухонной полке в виде странной коробки с загадочным механизмом внутри.

Правда, иногда бывает, что Димка перегибает палку. Скажем, с этим параллельным миром. Я не дурак, знаю, что он существует только в умах фантастов и кинорежиссеров. Ни один научно-исследовательский институт, если себя уважает, не занимается подобной проблемой, оставляя ее для чудаков и открывателей «перпетуум-мобиле». А этот двенадцатилетний чудо-гений решил найти его в домашних условиях, вооружившись тетрадами, калькулятором и острым, как бритва, умом, способным разбирать пространство и время на атомы и складывать их обратно в новые миры.

– А антимир ты не искал? – съехидничал я.

– Нет еще, – Димка принял мои слова за чистую монету. – Чуть позже займусь и этой проблемой. Зато параллельный мир я нашел!

За окном стояла прекрасная погода: солнце мягко прогревало двор, в воздухе витал свежий запах хвои и влажной земли после вчерашнего дождя, а редкие облачка лениво плыли по яркому голубому небу, словно сами восхищались его расчетами.

– Отлично, братан! – сказал я, усаживаясь напротив него на диван. – И где же он?

– Везде!

– Ха! И еще раз ха!

– Напрасно иронизируешь, – укоризненно покачал головой мой друг. – Лучше посмотри на мои расчеты, – и он сунул мне под нос свою тетрадь.

С таким же успехом он мог бы предложить мне почитать книгу на китайском языке. Увидев гамму чувств на моем лице, он оценил коэффициент моего умственного развития и начал толковать, как ему казалось, естественные вещи в мой «котелок», с пафосом настоящего ученого, готового открыть человечеству невидимые законы вселенной.

– Вселенная многомерна. В одном месте может существовать множество миров. Например, в одном доме десятки квартир, и человек может переходить из одной в другую. Параллельный мир устроен почти так же. Он окружает наш реальный мир. Почему мы его не видим? Потому что он находится на другом уровне. Но в него можно войти.

– Как? – спросил я, когда до меня дошел смысл.

Ответить Димка не успел, так как в прихожей послышался звонок. Пришли сантехники. Всех троих я знал.

Возглавлял команду грузный пожилой мужчина, именуемый во дворе дядя Тима, а в ЖЭКе – Тимофей Иванович. Его крепкое, широкое тело словно предназначалось для работы с тяжестями, но чаще служило для поддержки кружки пива. Лицо с морщинами и грубым румянцем говорило о прожитых годах и частых запоях. Прославился он как мастер «золотые руки» и не просыхающий алкоголик. От него давно ушла жена и дети, хотя он был спо-

койным и уравновешенным человеком. Если бы не запои, его семья могла бы иметь и дачу, и машину, и отличную квартиру, а сам дядя Тима мог стать миллионером.

Второй, тридцатилетний Дильшод, окончил политехнический институт, но работать инженером не захотел и пошел простым рабочим. Его аккуратная, подтянутая фигура и умный взгляд контрастировали с рабочей одеждой, слегка заляпанной смазкой. Говорил, что зарабатывает больше, чем тот, кто имеет диплом о высшем образовании, и это, казалось, его сильно забавляло.

Третий – Андрей, парень старше нас на десять лет. Он был стройным и спортивным, с умением управляться с мотоциклом, которое вызывало уважение. Помню, как он, будучи подростком, гонял на мопеде по улицам, рисуясь перед девчонками, выделявая такие выкрутасы, что любой спортсмен или циркач пришел бы в восторг. Впрочем, этот недостаток у него остался и по сей день, зато вместо мопеда он со временем приобрел мощный мотоцикл, на котором он умел выезжать даже из самых сложных ситуаций.

Мастера вошли в квартиру с шумом и лязгом, принеся с собой специфичный запах смеси машинного масла, пыли, влажного бетона и старого металла. Они, подобно трудолюбивым слонам, несли на себе трубы, сумки с инструментами, стальную проволоку. Коричнево-зеленая форма была до того измазкана, что невольно возникало впечатление, что они больше времени проводили на какой-то мусорке. Сапоги, которые пахли далеко не фиалками, подтверждали это подозрение – запах сырости и прогорклого жира буквально цеплялся за нос и оставлял стойкий след в комнате.

– Где? – коротко поинтересовался дядя Тима, который, как всегда, находился «под мухой».

Димка, уловив носовым «пеленгатором» пары спирта из его рта, хмыкнул и проводил дружную компанию до туалета. Там сантехники разложили инструменты и, переругиваясь, приступили к работе.

Мой друг вернулся в комнату.

– Ты спрашиваешь как? – Димка хитро улыбнулся. – Очень просто. Нужно найти вход.

– А где ты его найдешь? – тогда я еще не понимал, какую опасную затею позволяю ему начать.

– Хотя бы здесь.

– В квартире? Но что-то я не вижу никакого входа!

– Потому что ты не там его ищешь. Как бы тебе объяснить доступнее... Скажем так. Лестничную площадку, ведущую на улицу, и мою квартиру разделяет дверь. Наружу можно выйти только через эту дверь. Но ты никак не очутишься там, пройдя через стену, крышу или пол. Поэтому в параллельный мир можно войти сквозь дверь. А где она расположена, можно рассчитать математически.

– Ты, значит, всю ночь рассчитывал координаты этой двери?

– Ты прав. Вообще-то я не столько искал дверь, сколько создавал формулу, которая позволяет ее найти. Вот она, – Димка с гордостью показал на длинную формулу, которая в моем сознании ассоциировалась с многоэтажной глистой.

– Сюда нужно вставить параметры нашего мира – и дверь найдена!

Я испытывал сильные сомнения. С одной стороны, я не мог проверить правильность этой формулы, поскольку не располагал необходимыми знаниями, а с другой, я всегда доверял Димке. Но сегодня он говорил невероятные вещи, и мне было трудно в связи с этим выработать свою позицию.

Димка заметил мои колебания.

– Я тебе докажу, бобик! – привычно назвал меня он и сел за расчеты. – Сейчас я введу в формулу данные своей квартиры – общую площадь, высоту этажа, атмосферное давление

и комнатную температуру, ускорение у поверхности и многое другое. После этого я смогу указать тебе место, откуда начинается параллельный мир.

– Давай, чучундра! – усмехнулся я и вновь уселся на диван.

В течение десяти минут Димка работал как информационно-вычислительный центр. Он быстро отсчитывал что-то на карманном калькуляторе, полученный итог вписывал в тетрадь и вновь считал. От подобного усердия у меня давно бы пошел дым из ушей, а мозги запищали от перегрузки. Но у Димки в черепке «варились» не просто мысли. Это был настоящий человек-компьютер: глаза его бегали по страницам, словно оптические сенсоры, руки безошибочно набирали числа, а лицо оставалось спокойным, будто никакой поток информации не мог его перегрузить. Каждый его жест, каждая цифра казались частью сложнейшей вычислительной машины, живущей внутри него.

Из туалета раздавалось кряхтение и непристойные ругательства сантехников. Они обсуждали достоинства новой сотрудницы в диспетчерской и поносили начальника ЖЭКа, который, по их словам, «ни за что не отвечает, зато всегда умудряется присвоить чужие заслуги». Данная тема для меня была малоинтересной, и я больше внимания сосредоточил на аудиокассете BASF, стараясь определить, что на ней записано: рок-музыка «Супер Пига Амстердама» или сложный трактат по математике. Димку же ничто не могло отвлечь в этом мире.

– Ну, как? – поинтересовался я, когда он откинулся на спинку кресла и уставился на меня победным взглядом.

– Готово! – мой друг показал мне чертеж, на котором я без труда различил схему его квартиры. Кроме того, на бумаге были какие-то кляксы, жирные точки и математические символы, от вида которых какой-нибудь Лобачевский или Евклид сошел бы с ума. Чертеж напоминал спутанный лабиринт из линий и символов, переплетенных так, что казалось, каждая точка имела собственную гравитацию, а линии будто жили собственной жизнью, создавая карту не просто квартиры, а целого мира, управляемого скрытыми законами математики.

– Смотри, Алик, мои расчеты показывают, что вход в параллельный мир находится здесь, – палец Димки ткнулся в проход между кухней и ванной комнатой. – Пошли туда.

Я, фыркнув, поплелся за ним. Никакого входа я там что-то не припомню, если, конечно, Димка за ночь не пропилил в стене дырку и не написал сверху: «Вход в параллельный мир! Добро пожаловать! Бесплатно!»

Мы прошли мимо сантехников, которые развернули целую стройку. Казалось, они не устанавливали унитаз, а меняли всю канализационную систему дома: трубы переплетались как гигантская змеиная сеть, инструменты валялись по полу, а металлический звон и удары создавали ощущение, что под нашими ногами проходит миниатюрный металлургический завод. Разбросанная на полу верхняя одежда говорила, что им уже жарко. Они не обратили на нас внимания, кроме Андрея, который попросил нас принести им горячего чая. Димка ничего не ответил, так как был погружен в свой чертеж, а я промычал что-то в ответ, мол, скоро будет готово. Это удовлетворило молодого сантехника, и он вновь вернулся к товарищам стучать разводным ключом по трубе.

В этот момент Димка, шедший впереди, резко остановился, и я по инерции ткнулся носом ему в спину. Он ничего не почувствовал, зато у меня из глаз посыпались искры.

– Ну, где твой вход? – потирая ушибленный нос, спросил я.

Димка посмотрел на стену. Возле ванной комнаты висела картина в стиле «а-ля сумасшедший кот»: яркие контрастные пятна, угловатые формы, искаженные пропорции, словно художник пытался одновременно изобразить кошку и хаос самой вселенной. Подобным кубизмом или модернизмом увлекалась мать Димки, покупая уличные халтурки за бешеные деньги.

– Здесь, – он указал на картину.

Это мне напомнило детскую книгу.

– Если ты думаешь, что я Буратино, а ты папа Карло, то ошибаешься, – ехидно заметил я. – Ближайшая черепаха Тортилла в зоопарке, а золотого ключика у нас нет.

– Не трепись! – неожиданно громко прервал меня Димка. Выражение его лица мне не понравилось. Оно было неестественно сосредоточенным. В течение минуты он всматривался в картину, мысленно, наверное, очерчивая контуры двери, затем сделал шаг и протянул руки вперед.

У меня чуть глаза не полезли на лоб. Честное слово, Димкины руки вошли в картину, как нож в масло. Он остановился на мгновение, словно проверяя, насколько реально это работает, потом сделал еще один шаг, полностью погрузившись в параллельный мир. Для меня он фактически исчез: пустота перед глазами оставалась неизменной, а ощущение, что кто-то рядом, растворилось, как туман под солнечными лучами. Лишь мягкое свечение и едва слышное шуршание воздуха намекали на то, что он теперь находится в другой реальности, скрытой за обычной стеной.

Увидев это, я чуть не поперхнулся. Боже ты мой! Происходящее казалось настолько нереальным, что я всерьез стал думать, а не снится ли мне все это? А может, Димка решил просто надо мной подшутить, состряпав дурацкий фокус? Сидит, наверное, за ширмой и подло хихикает.

Но всякие сомнения отпали, когда из картины стремительно возникла рука. Она раскачивалась, словно Димка там исполнял танец. Пальцы дрожали, кисть металась туда-сюда, будто нити невидимой марионетки дергались в разные стороны. У меня же возникла версия, что моего друга что-то или кто-то схватил и старается втянуть, а Димка прилагает все усилия, чтобы вырваться. На мгновение мне показалось, что за рамой не просто мир, а живая, голодная пустота, которая не хочет никого отпускать.

Скорее чисто рефлекторно, чем осознанно, я схватил руку и изо всех сил дернул на себя. Тот, кто удерживал Димку, никак не рассчитывал на нашу дружбу. Дополнительная сила помогла Димке вырваться из объятий невидимого для меня противника и очутиться в нашем мире. Но его возникновение оказалось слишком резким, ибо он пулей вылетел из картины и, столкнув меня, грохнулся лбом о противоположную стенку.

У меня не искры – пламя вырвалось бы из глаз, если бы такая реакция была предусмотрена человеческой физиологией. Казалось, внутри черепа что-то взорвалось, и боль разлетелась по голове разноцветными вспышками. Я тяжело рухнул на колени, пытаюсь не выругаться вслух, и несколько секунд мир плыл перед глазами, будто его размыли слезы или перемешали ложкой.

Я уже хотел сказать парочку шуток на этот счет, но язык свернулся морским узлом, едва мои глаза узрели Димку. О боже, воскликнул я во второй раз. Лицо у друга было блее мрамора, словно его кожу обдало жидким азотом. А волосы... волосы побелели так, будто кто-то за минуту обсыпал их снегом. Даже если бы он попытался перекраситься в парикмахерской, такой идеальной, равномерной белизны добиться бы не удалось – ни перекисью водорода, ни всевозможными красками. Белые, густые, торчащие в разные стороны, они превращали двенадцатилетнего пацана в фигуру, смахивающую на дряхлого старика из фантастического фильма.

Если подобная седина украшает бывалого и пожилого мужчину, то у Димки она была свидетельством пережитого кошмара. Об этом явственно говорили и его глаза. В них я прочитал страх и ужас – такой, что сердце у меня предательски ёкнуло. Зрачки расширены, взгляд стеклянный, словно он увидел что-то настолько жуткое, что разум отказывался это принять.

– Ты что? – вскричал я, вставая с пола. – Что случилось?

Димка посмотрел на меня таким безумным взглядом, что аж мурашки по коже пробежали. Не просто так, а табуном. Казалось, по спине промчалось целое стадо ледяных лошадей, оставляя после себя дрожь. В его глазах не было ни намека на прежнюю уверенность и живость. В них поселилась пустота, изможденность и какой-то звериный, первобытный страх.

– Эй, приятель, все в порядке, очнись! – вспомнив, как в подобных ситуациях поступали люди, я стал методично бить ладонями по его щекам.

Это действительно помогло. Мои удары вернули ему сознание. Димке стало легче. Но говорить он еще не мог, а на все мои вопросы отвечал беканьем и мычаньем, словно выучил язык парнокопытных. Его губы дрожали, дыхание шло рывками, а горло издавало хрип, будто он забыл, как формировать человеческую речь.

В этот момент в коридоре возник Андрей, держа в руках ключ.

– Ребята, ну будет чай? Я же не прошу стакан бормотухи... – тут он осекся, увидев Димку. Вид моего друга его потряс не меньше, чем меня.

– Ого! – присвистнул сантехник. – Ты побывал в аду? Или это подготовка к спектаклю «Вельзевул и отрок»?

Андрей, сам того не подозревая, высказал предположение, близкое к истине.

– Ну, что случилось? – более решительно потребовал он ответа от меня, услышав, что Димка произносит что-то невнятное.

Но и я не мог внести ясности.

– Он был в параллельном мире. И вернулся оттуда таким, – коротко произнес я, стараясь не впадать в подробности. Ибо сам ничего не понимал, да и молодой сантехник не поверил бы.

– Тимофей Иванович, Дильшод! – стал звать коллег Андрей. – Идите сюда скорее!

– Ну, что там? – недовольно высунул голову из туалета пожилой мужчина. Оттуда раздавались шум спускаемой воды и проклятия Дильшода в адрес соседей навеху. При этом сантехник упомянул пресвятую деву и что-то про её поступок.

– Сами увидите, когда подойдете! – ответил Андрей.

– Нам некогда.

– Да посмотрите, что случилось с хозяином квартиры!

Это заинтриговало их. Они подошли и замерли. Через секунду кучей нависли над Димкой, суетливо тормоша его за плечи и пытаясь добиться внятного слова. У Дильшода от волнения аж усы дергались, а Тимофей Иванович с хмурым лицом пытался заглянуть Димке в глаза, словно тот был фонариком, и сейчас должен был вспыхнуть. Но все усилия были бесполезны: Димка издавал только бессмысленные гортанные звуки, по смыслу напоминающие набор случайных букв, будто его мозг вместо русского языка переключился на помехи радиоприемника. Он не узнавал их, не узнавал меня – просто дышал часто, рвано, и иногда дергался, будто вновь видел что-то страшное.

Убедившись в бесперспективности допроса пострадавшего, они обратили взоры на свидетеля – то есть на меня.

– Димка нашел вход в параллельный мир, вот карта и формулы расчета, – я протянул Андрею валявшиеся на полу бумаги. – Вход находится там, где картина. Димка побывал в параллельном мире всего несколько секунд, зато оттуда я его выдернул вот таким. Что он увидел, я не знаю, но, думаю, не деда Мороза, – дальше мне рассказывать было нечего.

– Ты, парнишка, нам мозги не пудри, – рассердился дядя Тима, уверенный, что раз он слегка подшофе, то его можно обвести вокруг пальца, как последнего лоха. – Какой еще параллельный мир? Чего городишь?!

По его тону я понял, что главный сантехник ЖЭКа не разобрался в теоретической физике.

– Подождите, Тимофей Иванович, – остановил его Андрей, который, посмотрев чертеж, видимо, понял суть эксперимента. – Я в детстве, как и эти пацанята, тоже увлекался фантастикой и много прочитал о параллельном мире. По-моему, этот молодой математический гений, – Андрей указал на Димку, – рассчитал реальность параллельного мира и нашел способ туда пробраться.

– Верно, – кивнул я.

Но дядя Тима не желал слушать подобной ерунды.

– Мало того, что здесь произошло что-то непонятное, так еще ты, Андрей, тумана наводишь. Видно, сам еще не вышел из детства, – продолжал сердиться он. – Вы как хотите, но отвлекаться нам нельзя. Еще два вызова на сегодня, а работы только здесь еще на час.

Но Андрей так просто не сдавался.

– Наверное, нужно мысленно представить вход, так? – спросил он меня.

Я пожал плечами.

– Наверное. Во всяком случае, Димка ничего особенного не делал.

– А где он вошел в параллельный мир?

– Здесь! – я ткнул пальцем в картину.

Все посмотрели на нее.

- Ничего не вижу, – хмуро произнес Тимофей Иванович, явно ощущая себя болваном.
- Нужно представить... – напомнил Андрей.
- Вот ты и искири мозгами, если у тебя там не все в порядке, – буркнул дядя Тима и начал уже поворачиваться в сторону туалета.

В этот момент Андрей всмотрелся в стенку, напрягся, как перед прыжком, и сделал шаг. На глазах изумленных коллег он вошел в картину и... исчез. Казалось, растворился в ней, будто его тело превратилось в дым и втянулось в рисунок. Полотно дрогнуло, словно поверхность воды, и... пусто.

- Ничего себе! – ахнул Дильшод.
- А? – только и смог выдавить пораженный дядя Тима.

Дильшод решил последовать примеру друга: он робко просунул руки прямо в картину. Пальцы, кисти и сами предплечья беспрепятственно прошли сквозь поверхность, будто стены не существовало. Собственная кожа исчезала из виду, теряя очертания – словно проваливалась в густой туман.

– Ух, ты! – удивленно сказал он. Затем его лицо резко изменилось, будто его ударили. Скулы заострились, губы вытянулись, глаза расширились. – Там кто-то есть... Что-то липкое схватило меня... Ой! – вскричал он, мгновенно побледнев, как свежая простыня из прачечной.

Через секунду он задергался в диком танце, будто тело перестали контролировать мышцы и взялись за дело электрические разряды. Из горла вырывались кошмарные, нечеловеческие крики – смесь стога, скрипа и хрипа, будто его рвали на части изнутри. Он бился, хватал воздух, мотал головой, а глаза стали огромными и безумными, как у лошади, почуявшей пожар. Было ясно: ему больно. Очень больно.

– Тяните меня, а иначе я погибну! – сквозь боль заорал он. По тому, как его руки держались вперед и вниз, мы поняли, что кто-то – или что-то – тянуло его в параллельный мир, невидимыми мучительскими рывками, неуклонно, безжалостно.

«Всякая дверь имеет два направления – вход и выход. Если мы вошли туда, то, значит, кто-то может оттуда выйти», – возникла у меня мысль, но анализировать её времени не было – Дильшод почти с головой ушёл в стену.

Тимофей Иванович схватил его за комбинезон, но в этот момент невидимый противник так резко дернул Дильшода внутрь, что бедняга исчез, будто кто-то выдернул его из реальности, а главный сантехник по плечи ушёл в картину. Он повис, нелепо согнувшись, и бешено сучил ногами, словно пытался оттолкнуться от воздуха. Лицо его стало цвета сырого теста – белёсое, искавшее опоры, а глаза округлились, как блюдца: он видел что-то там, по ту сторону – и от этого его рот растянулся в беззвучном крике. От полотна шёл странный запах – сырости, могильного холода и чего-то химического, будто канализация смешалась с формалином.

Тот, кто похитил сантехника, тяпнул заодно и дядю Тима: тот взвизгнул так, что стены задрожали, и подкрепил звук такими выражениями, которые, наверное, ещё не знает русская литература – и, может, лучше бы ей и не знать. Он отскочил обратно – резко, как пружина, – и, упав на колени, издал какой-то сиплый клекот. Я смотрел на него и не сразу понял, что изменилось – мозг отказывался принимать увиденное. Но потом кровь ударила в ноздри тяжелым запахом железа, и я понял.

У него не было рук. Совсем. От плеча вниз – только обожжённые края плоти, торчащие белые косточки и мясистые обрубки, из которых фонтанами хлестала кровь. Она била в потолок, стекала по стене, заливала линолеум густыми, быстро остывающими потоками. Я услышал, как кровь хлюпает под его коленями. Как капли ударяются о пол. Как она пахнет тёплым металлом и солью.

Увидев собственные культы, Тимофей Иванович издал звук, похожий на паровозный гудок – долгий, пронзительный, нечеловеческий. Глаза его закатились, рот открылся, и он, рухнув на бок, отключился, словно кто-то выдернул вилку из розетки.

Я чуть не последовал его примеру. Потому что из стены вылезло какое-то чудовище – настолько невозможное, что язык словно отказался служить. Оно не походило ни на зверя, ни на человека, ни на рыбу, ни на насекомое – а на всё сразу и на ничего из этого. Формы менялись, как тени в огне. Глаза – если это были глаза – вспыхивали зелёным и тут же исчезали. Его поверхность то становилась гладкой, то покрывалась наростами, то словно переливалась внутренним светом. Оно скрипело – или сипело – или дышало грудой лёгких, которых не было видно. Я услышал треск, как от разрыва мокрых тканей. И запах – адский, давящий: тухлая морская рыба, гарь и канализация, смешанные в одно.

Монстр, казалось, напрёт свои органы – если так можно сказать – чтобы обнаружить пропавший деликатес. Из его тела вытянулись длинные бесформенные щупальца, на концах которых были чувствительные усики, извивавшиеся, как живые нити. Они скользнули по полу, по стене, по воздуху – и вскоре обнаружили лежащего на полу Тимофея Ивановича. Щупальца радостно вздрогнули, как голодные муравьи, учуявшие сахар.

Дядя Тима начал приходить в себя – глаза дёрнулись, веки дрогнули. Он вдохнул, увидел монстра – и через мгновение заорал сильнее, чем до этого. Его крик был отчаянным, сорванным, животным, словно он понял, что происходит, и понял, что спастись невозможно. Он пытался отползти, но оставлял за собой кровавую дорожку, а пальцев больше не было, чтобы упираться.

Его опасения имели под собой почву. Монстр выкинул вперёд что-то, напоминающее слизистую лапу – или коготь, или клешню, – схватил человека за туловище, сжал так, что кости хрустнули, и уволок в свой мир, втянув в картину, как в жидкость. Тимофей Иванович исчез в тени, надрывно вскрикнув, и звук долго сходил на нет. Ни сопротивляться, ни защищаться он уже не мог. А я – не мог ему помочь. Страх сковал мои руки и ноги, щеки онемели, сердце билось так сильно, что стучало в деснах. В этот момент из меня можно было лепить статую.

Овладев дядей Тимой, монстр не исчез. Он не отступил. Напротив – его тело будто разрослось, щупальца вытянулись длиннее, движения стали увереннее. Он жадно вдыхал воздух – как гурман, впервые попробовавший редкий деликатес. Ближайшими деликатесами были мы с Димкой.

Мой друг, казалось, вновь погрузился в беспамятство: он сидел, прислонившись к стене, бледный как бумага, и никак не реагировал на угрозу. Будто мир вокруг перестал быть для него реальностью. Он дышал редко, поверхностно, и глаза его стекленели. А я – не мог пошевелиться. Всё тело стало чужим, будто из гипса.

«Димка мысленно открыл мир. Может, его можно мысленно закрыть?» – предположил я, и, закрыв глаза, мысленно очертил контуры двери. Затем представил, как дверь закрылась прямо перед носом монстра. Я видел её чётко: линия, угол, ручка, замок. Вдох. Выдох. Закрыть. Закрыть. Закрыть.

Прошло не меньше минуты, прежде чем я открыл глаза. Было тихо. Нереально тихо. В коридоре ощущался мерзкий запах слизи, мокрой шерсти, ржавчины и разложения. Стены и пол были обрызганы кровью: густые тёмные капли липли к обоям, забивались в плинтус, оставляли следы там, где монстр скользил своим телом. Между кляксами висели нити слизи, серебристые, тягучие, мерзко переливающиеся. По полу разливались пятна – кровь и грязь, смешанные в одно.

Чудовища не было. Казалось, ничего не произошло. Если бы не следы смерти.

Окончательно мы очухались только к вечеру, когда пришли родители Димки. Они не сразу поняли, что происходит: сперва удивлённо глянули на нас, потом – на разбросанные по полу вещи. Но стоило им увидеть кровь, как их лица перекосило. Мать Димки закричала, словно увидела мёртвого сына, а отец, бледный, как гипс, бросился к телефону. Через пять минут в квартиру ввалились милиция и врачи – с шумом, всполохами фонарей, вопросами, запахом лекарств и пота. Люди в серой форме ходили по комнатам, фотографировали стены,

обнюхивали линолеум, стучали по стенам, словно искали тайник. Врачи ощупывали Димку и меня, заставляли отвечать на вопросы, светили в глаза.

Но в тот день мы ничего путного сказать не смогли. Мы сами не понимали, как удержать реальность на месте – казалось, она утекает, как вода сквозь пальцы. Димка тихо бормотал математику, как молитву, а я не мог выдать ни слова.

Прошла неделя, но следователь так и не добился ясности. Его кабинет пах сигаретами и дешёвым кофе, а голос звучал всё более раздражённо, хоть мы и сами мечтали всё объяснить. Но одно дело – помнить страшную правду. И совсем другое – произнести её. По его мнению, мы несли ахинею о параллельном мире, чудовище и смерти сантехников. Он раз за разом повторял:

– Вы врётё. Такое невозможно. Люди не исчезают в стенах, мальчики.

Но мы не желали доказывать свою правоту. Никто, пережив такое, не станет вновь разрывать рану. Да и где доказательства? Чудовище не взяло визитку и не оставило записку: «Спасибо за обед». Намеков хватало – кровь, рваные следы, слизи на обоях. Но мир устроен так, что люди видят только то, что готовы увидеть.

Дело так и осталось нераскрытым, хотя его курировала городская прокуратура. Об исчезнувших сантехниках говорили и в новостях, и на рынках, и в дворах. Фотографии троих мужчин с надписью «Разыскиваются» висели на стендах ещё три года. Каждый раз, проходя мимо, я чувствовал, как желудок сжимается, будто там спрятан камень.

Нам пришлось уехать в другой город. Родственники сантехников находили нас всюду: звонили, ждали у подъезда, выпрашивали, допрашивали. Их боль можно понять – у них отняли тех, кого они любили. И они чувствовали: мы знаем истину. И знали – но рассказать её означало бы снова открыть дверь туда. А в нашу реальность и так ворвалось слишком много ада.

Димка бросил физику. Это случилось будто внезапно – однажды он просто перестал решать задачи, перестал на что-то смотреть с интересом. Смотрел лишь в одну точку – слегка выше горизонта, будто видел там вход, но боялся приблизиться. Его ночи превратились в крики. Ему всё время чудилось, что кто-то идёт по стене. Через год он сам попросился в психиатрическую клинику. Там он и остался: говорит мало, слушает много, улыбается редко. В его волосах до сих пор серебро. Иногда он пишет какие-то формулы на простынях – но тут же рвёт ткань.

Я перестал выходить из дому по вечерам. Ночь перестала быть временем отдыха – стала временем ожидания. Стоит лишь шагнуть в темноту, как стены будто начинают двигаться.

Что касается параллельного мира – оттуда никто больше не являлся: ни люди, ни монстры. Иногда мне кажется, что там обитают существа без разума, иначе они давно бы наводнили Землю и сделали бы с человечеством то, что совершили с троими сантехниками. Впрочем, быть может, у монстров есть своя логика. Быть может, они не пришли не потому, что не смогли. А потому, что не захотели. Сытость тоже иногда бывает причиной тишины.

Тетрадь Димки с формулами и схемой я сжёг собственноручно. Бумага вспыхнула быстро и жарко, как будто ждала этого. Чёрный дым взвился вверх, пахнув чем-то знакомым – чем-то страшным, как сырость канала. Я смотрел, как огонь пожирает чужие идеи, и чувствовал облегчение. Думаю, наука не обеднеет от этого. Некоторые тайны лучше оставить закрытыми. Очень закрытыми.

Но иногда по ночам мне кажется, что дверь всё ещё существует. Не там, где была – а в любом месте, где я останавливаюсь и задерживаю взгляд. В стене. В зеркале. В окне.

Иногда я слышу лёгкий звук, похожий на шорох пыльных страниц. Иногда – тихое постукивание. Иногда – почти неуловимое дыхание, от которого стынет кровь.

Иногда думаю: может быть, я всё выдумал? Может, это был сон? Иллюзия? Бред?

Но стоит мне повернуться к стене спиной, как кожа между лопаток начинает покалывать, будто кто-то на той стороне ждёт.

Иногда я улыбаюсь нервной, сухой улыбкой и говорю себе:

– Главное, не смотреть туда.

И каждый вечер, выключая свет, я повторяю мысленно одну фразу: «Дверь закрыта.»

И очень боюсь того дня, когда она вдруг – откроется сама.

(Август 1995 года, Ташкент)

ВОЙНА МАШИН **(Апокалиптический рассказ)**

В 2030 году политическая карта мира значительно преобразилась. Старые государства, разьедаемые экономическими кризисами, климатическими катастрофами и внутренними конфликтами, распались или слились, уступив место новым образованиям. Границы перекраивались не столько по историческим, сколько по природным и ресурсным признакам: где вода – там одно государство, где недра – другое, где леса – третье. Африканский континент стал одним из главных примеров этих процессов. Именно здесь, на месте нескольких бывших стран, возникли три прилегающие друг к другу державы – Мокрая Далония, Сухая Аграния и Зелёная Бэктрия.

Мокрая Далония раскинулась вдоль океанского побережья и была почти полностью окружена водой. Дожди здесь шли часто, туманы стелились по утрам, а воздух был насыщен солью и влагой. Дома строились на сваях или из специальных водоотталкивающих материалов, а улицы часто напоминали каналы. Далонийцы с детства умели плавать, вязать узлы и читать морские течения. Их порты не пустовали ни днём ни ночью, а корабли под флагом Далонии можно было встретить в любом уголке света.

Экономика страны держалась на рыболовстве, судостроении и морском туризме. В пищу здесь действительно почти не употребляли мяса – рыба, водоросли, планктон и морские моллюски составляли основу кухни. Курорты Далонии славились мягким климатом, тёплой водой и беззаботной атмосферой. Музыка, танцы и праздники на берегу океана были для далонийцев таким же естественным делом, как дыхание.

Сухая Аграния, напротив, казалась выжженной солнцем. Пески и каменистые плато тянулись до горизонта, редкие оазисы охранялись строже, чем банки. Температура днём действительно редко опускалась ниже сорока градусов, а дожди считались почти легендой. Агранийцы носили лёгкую, закрытую одежду, умели экономить воду до капли и ценили тень как высшую роскошь.

Зато под землёй Аграния была сказочно богата. Нефть, газ, редкоземельные металлы и уран сделали страну индустриальным гигантом. Среди дюн возвышались заводы, перерабатывающие сырьё в машины, генераторы, буровые установки и военную технику. Города Агрании были футуристичны: стекло, металл и кондиционеры создавали иллюзию прохлады и порядка. Жители гордились своей прагматичностью и считали, что мир держится не на песнях и лесах, а на энергии и стали.

Зелёная Бэктрия занимала обширные пространства к северу от соседей. Здесь шумели леса, зеркалами лежали озёра, а горы защищали страну от экстремальных ветров и жары. Климат был мягким, времена года сменяли друг друга спокойно и предсказуемо. Бэктрийцы действительно называли себя лесниками – не по профессии, а по мировоззрению. Они жили в гармонии с природой, строили дома из дерева и камня, заботились о зверях и птицах.

Экономика страны основывалась на сельском хозяйстве, экологических технологиях и переработке древесины. Злаки, фрукты, мёд, лекарственные растения и чистая вода были главными богатствами Бэктрии. Люди здесь отличались сдержанностью, неторопливостью и привычкой сначала думать, а потом говорить.

Несмотря на разницу в климате, культуре и укладе жизни, простые жители трёх стран жили дружно. Они свободно пересекали границы, торговали, ездили друг к другу в гости, устраивали совместные фестивали. Смешанные браки давно перестали быть редкостью, и в прибрежных городах можно было услышать агранийскую речь, а в бэктрийских деревнях – далонийские песни. Люди считали себя соседями, а не врагами.

Совсем иначе вели себя правители. Так, Чёрный Диктатор Далонии был мрачным, подозрительным человеком, всегда одетым в тёмное. Он говорил о величии нации и морской судьбе, но на деле заботился лишь о собственной власти.

Злой Президент Агрании улыбался с экранов, но за его вежливостью скрывалась холодная жадность и презрение к окружающим.

Красный Комиссар Бэктрии любил громкие речи о справедливости и природе, но сам не гнушался грязных сделок и интриг.

Каждый из них пришёл к власти своим путём – через обман, переворот или наследство – и каждый решил, что все проблемы удобнее всего списать на соседей. Они пакостили друг другу исподтишка, изображая дружбу на публике. Тухлая рыба, бракованная техника, гнилая древесина – всё это становилось «подарками доброй воли». Правители стояли друг друга.

Кульминацией их вражды стала международная конференция, где напряжение наконец прорвалось. Сначала это были колкости и язвительные замечания, затем крики, а потом – драка. Туфля, пинок, кипяток из чайника, выбитый зуб – всё смешалось в нелепом и позорном побоище. Охрана уже хваталась за оружие, и лишь вмешательство дипломатов предотвратило кровопролитие.

Именно с этого дня стало ясно: за кулисами внешнего мира назревает нечто куда более опасное, чем глупая драка трёх правителей. И последствия этого скоро почувствуют все.

В итоге разразился мировой скандал. Поссорившиеся главы государств, не сумев договориться и не желая признавать собственную глупость, объявили друг другу войну. С трибун звучали грозные речи, по радио и экранам крутили патриотические лозунги, а по улицам развешивали плакаты с призывами встать на защиту родины.

Но произошло неожиданное: мобилизация провалилась. Люди не шли в армию. Рыбаки Далонии отказывались брать в руки оружие, агранийские рабочие не желали менять заводские цеха на окопы, а бэктрийские лесники открыто говорили, что не будут убивать соседей, с которыми вчера пили чай и растили детей. Солдаты дезертировали, призывные пункты пустовали, а на стихийных митингах звучала одна и та же мысль: мы не будем умирать из-за чужих амбиций.

Тогда правители решили действовать иначе. Если нельзя заставить людей ненавидеть друг друга, значит, нужно просто разделить их навсегда.

По приказу Чёрного Диктатора учёные и техники Мокрой Далонии создали линкор нового типа. Это был исполин из чёрного композитного металла, почти бесшумно скользящий по воде. Его корпус имел обтекаемую форму, устойчивую к волнам и ударам, а надстройки напоминали хищный силуэт морского зверя. Управлялся корабль кибернетическим мозгом, способным самостоятельно анализировать обстановку и принимать решения.

Линкор был напичкан морскими ракетами, глубоководными бомбами и телеуправляемыми торпедами. Он не нуждался в экипаже, не уставал и не сомневался. Как только машину спустили на воду, программисты загрузили в неё приказ: уничтожить любой движущийся объект, принадлежащий Агрании и Бэктрии, и не подпускать к границе никого чужого.

Уже в первые часы линкор превратил океан в зону смерти. Рыбачьих суда, грузовые корабли, катера с беженцами – всё, что двигалось, попадало под удар. Порты опустели, волны долго ещё несли обломки, а новости обрывались сухими сообщениями о пропавших без вести. Море, кормившее Далонию веками, стало её самой страшной границей.

Разъярённый Президент Агрании ответил немедленно. Он приказал создать супертанк – символ силы пустыни. Машина получилась чудовищной: тысячетонная бронированная платформа с многослойной защитой, неуязвимой для ракет и мин. Её гусеницы были шириной с дорогу и не вязли в песке.

Супертанк был вооружён дальнобойными пушками, противозенитными ракетами, автоматическими минными укладчиками и десятками пулемётов. Управлялся он тоже роботизированной системой и не требовал экипажа. Когда бронемашина выехала с завода, земля дрожала. Лязгая гусеницами, она пересекла пустыню и заняла позицию у границы, открывая огонь при малейшем появлении людей или техники.

Красный Комиссар Бэктрии не остался в стороне. Под его личным контролем был создан гигантский супервертолёт – летающая крепость. Он имел сотню пропеллеров и дополнительные крылья, позволяющие зависать над одной точкой часами. Корпус был покрыт защитным слоем, отражающим удары и энергию.

В подвесках находились самонаводящиеся бомбы и фугасные снаряды, а из десятков бойниц торчали лазерные установки. Вертолёт работал на ядерном топливе и не нуждался в частых посадках. Как только он поднялся в воздух, небо над лесами и горами стало опасным. Первыми его жертвами стали люди, пытавшиеся тайком пробраться в Бэктрию по старым тропам.

С появлением этих механических монстров мир между народами рухнул окончательно. Перепуганные жители перестали ходить друг к другу. Границы превратились в мёртвые зоны, где царили металл, огонь и холодный расчёт машин. Люди лишь издалека наблюдали за патрулирующими чудовищами и учились жить так, чтобы не попасть в поле зрения их электронных глаз.

А те, кто всё же рисковал, исчезали навсегда – в песках пустыни, в горах, в лесах или под толщей океанской воды. И никто уже не сомневался: новые правители нашли способ разъединить народы куда надёжнее любых слов и законов.

Уже через несколько месяцев люди свыклись с мыслью, что к соседям больше не пробраться, и перестали даже пытаться наладить контакт. Память о прежней дружбе постепенно вытеснялась заботами выживания и страхом. А тем временем машины, которым наскучило просто так охранять границу, наконец обратили взоры друг на друга. Компьютеры были запрограммированы на уничтожение, огромный боезапас так и не был израсходован, и потому в один, казалось бы, обычный день роботы встретились.

Это была странная встреча: на границе сошлись море, пустыня и лес, а вместе с ними – три механических исполина, не знающих ни усталости, ни сомнений.

Линкор первым обнаружил противников. Его гидроакустическая антенна уловила вибрации гусениц танка и низкочастотный гул винтов вертолёт. Кибермозг мгновенно рассчитал траектории и параметры уничтожения и отдал приказ открыть огонь из всех ракетных установок. Над океаном вспыхнули огненные хвосты, и десятки ракет устремились к целям.

Через несколько секунд снаряды ударили по фюзеляжу вертолёт и по бронированному борту танка. Металл разошёлся, словно ткань, в корпусах образовались рваные отверстия, из которых повалил густой чёрный дым, смешанный с искрами и пламенем.

Но роботы не были повержены. Супертанк, не двигаясь с места, прощупал инфракрасными лучами линкор и вертолёт, анализируя температуру, плотность брони и возможные слабые зоны. Лишь завершив расчёты, он начал ответный обстрел: тяжёлые снаряды с рёвом полетели к морю и небу, вздымая фонтаны воды и разрывая воздух.

Быстро среагировал и компьютер летающей машины. Лазерный дальномер точно определил расстояние до целей, после чего вертолёт выпустил мощные тепловые лучи, прожигая броню противников, и сбросил несколько десятков тонн снарядов на ползающего и плавающего роботов. Взрывы сотрясали землю и воду, превращая границу в ад.

Первый бой длился целую неделю. Леса выгорели дотла, пески пустыни сплавилась в стекло, а океан на многие километры был отравлен топливом и радиоактивными выбросами. Воздух стал тяжёлым и мёртвым, птицы исчезли, зверьё вымерло, а сама природа, казалось, отступила, не в силах вынести ярость машин.

И всё же нужно отдать должное конструкторам – машины были построены на славу. Каждая из них обладала мощной защитой, разрушительным вооружением и совершенной системой самовосстановления. Стоило лазеру или кумулятивному снаряду пробить корпус, как металл тут же стягивался, словно живая плоть, а повреждённые узлы автоматически заменялись новыми, извлекаясь из внутренних резервов.

Однако к концу недели компьютеры боевых машин пришли к одинаковому выводу: необходимо временно прекратить бой. Они отошли друг от друга на расстояние недостижимости огня и занялись тестированием бортовых систем, устраняя сбои в логике, датчиках и механике. При этом они продолжали неусыпно следить за границей, не позволяя ни одному человеку приблизиться.

Закончив самоанализ и саморемонт, машины снова ринулись в бой. Границу трёх стран вновь оглушили взрывы маломощных ядерных зарядов и фугасных бомб, визг осколков, пулёмётная трескотня. На многие мили вокруг всё покрылось копотью, дымом и стойким запахом сгоревшего пороха.

Прошло двести лет. Давно умерли Чёрный Диктатор, Злой Президент и Красный Комиссар, начавшие эту машинную войну. От них не осталось ни праха, ни памяти, но их решения продолжали жить в холодной логике механизмов. Люди так и не смогли вновь встретиться друг с другом – на границе по-прежнему сражались роботы. Полностью автономные, неисчерпаемые в ресурсах и лишённые цели, кроме уничтожения.

И, быть может, когда-нибудь, спустя ещё сотни или тысячи лет, один из компьютеров сделает новый вывод: противник уничтожен давно, а война потеряла смысл.

Но до тех пор граница будет греметь, а человечество – помнить горький урок: самые долгие войны начинаются не с ненависти народов, а с глупости правителей и бездушия машин.

(Октябрь 1992 года, Ташкент)

ТЕОРИЯ БОЛЬШОГО ВЗРЫВА (Фантастическая юмореска)

Ничто не внушало доверия в этой комнате. Ни сама обстановка, которая напоминала проходной двор, склад и конюшню одновременно: вдоль стен громоздились ящики с выцветшими надписями, на полу валялись обрывки проводов, ржавые детали и какие-то шестерни, а в воздухе стоял устойчивый запах машинного масла, пыли и старого сена, будто сюда время от времени заводи́ли лошадей. Ни огромный аппарат, стоявший посередине помещения и как сумасшедший мигавший лампочками на панели и вращавший миниатюрными локаторами, словно пытался в космосе запеленговать цель – возникало стойкое впечатление, что это прибор ПВО, списанный с военной базы и собранный заново в пьяном угаре.

Отходившие от него толстые патрубки и кабели терялись где-то под полом, уходя в темные щели между бетонными плитами, а в прикрепленном к корпусу огромном сосуде Дюара безостановочно кипела синяя жидкость. Она бурлила густо и лениво, как расплавленный металл, испуская холодное голубоватое свечение. От сосуда поднимался пар, не тёплый, а наоборот – ледяной на вид, отчего металл вокруг покрывался инеем, а капли конденсата с тихим звоном падали на пол.

Журналист – худощавый мужчина лет тридцати пяти, в поношенном твидовом пиджаке, с вечно усталым лицом и блокнотом, который он машинально сжимал в руках, – с сомнением огляделся и невольно сморщил нос: уж больно мало окружающее напоминало научно-исследовательскую лабораторию. Скорее всего, это был какой-то подпольный цех по производству наркотиков, а не место, где вершатся открытия.

– Значит, это машина времени? – спросил он у человека, который по пояс влез внутрь аппарата и что-то там делал с помощью электропаяльника.

Оттуда раздавались шипение олова, треск электрического разряда и иногда крик и ругань, если Изобретателя било током. В такие моменты он яростно чертыхался, дергал ногами и замирал на секунду, будто прислушиваясь к собственному сердцу, прежде чем снова с упрямством лезть в недра машины.

Что тот ответил, Журналист не расслышал и поэтому поставил свой вопрос в иной плоскости:

– Мы сможем путешествовать по разным эпохам?

Наконец Изобретатель соизволил вылезти из своего аппарата и обратить взор на приглашенную прессу в одном лице. Это был неопрятный мужчина с растрёпанными тёмными волосами, трёхдневной щетиной и вечно нахмуренными бровями. Его засаленный лабораторный халат когда-то был белым, а очки в толстой оправе сползли на кончик носа.

– Ну-у, не совсем, – немного помедлив, ответил он. – Машину времени невозможно создать, поскольку это противоречит законам природы. Нельзя вернуться в прошлое, например, во вчерашний день, как в магазин.

Журналисту стало скучно. Он пожалел, что вообще послушался приказа редактора и явился сюда. В этот воскресный день он лучше бы съездил с друзьями на охоту или рыбалку, весело провёл время, а затем с чувством удовлетворения вернулся домой – с запахом костра на одежде, с тяжёлой усталостью в руках и парой сомнительных трофеев, о которых завтра можно было бы рассказывать с преувеличением. А потом, свежий и отдохнувший, пришёл бы на работу и поведал коллегам очередную рыболовную байку – про щуку, которая сорвалась в последний момент, но, разумеется, была размером с бревно.

Нет, надо же, именно ему поручили задание – взять интервью у полусумасшедшего Изобретателя, который, хоть и имел учёную степень доктора наук, но прослыл человеком с дурной репутацией.

«И почему именно я?» – недоумевал Журналист, представляя себя сидящим с удочкой в руках в компании верных друзей. – «И почему этот гений решил проводить свой первый эксперимент именно сегодня, а?»

– Так что это? – обречённым голосом спросил Журналист.

Изобретатель – тучный и хмурый человек лет сорока пяти – отбросил в сторону промасленную тряпку и произнёс:

– Это конвектор. То есть аппарат, который в какой-то степени можно назвать машиной времени.

– Но вы сказали, что машину времени невозможно создать! – начал терять терпение представитель прессы. Он ещё надеялся успеть на загородный автобус. Может, стоит послать редактора к чёрту вместе с этим сумасшедшим человеком?

Изобретатель нахмурился. Он уловил в голосе собеседника нотки раздражения и догадался, что Журналист не обладает терпением. Он пожалел, что не попросил редактора пригласить репортёра поумней и желательно с научной степенью. Хотя где сейчас в прессе найдёшь учёного?

Но Изобретателю нужно было раскрыть смысл своего эксперимента, чтобы читатели оценили его гениальность. В то же время объяснять следовало так, чтобы этот болван-писака понял всё правильно и донёс до общества.

– Законы природы нельзя нарушить – это аксиома. Но их можно направить в нужное русло и получить необходимый результат.

– Поясните свою мысль, – вздохнув, попросил Журналист. Он достал из кармана диктофон «Panasonic» и включил. – И мне, и редактору, равно как и читателям будет интересно познакомиться с вашим изобретением, если оно способно перевернуть наше представление о природе.

– С удовольствием. Начну с философии – королевы наук...

– П-простите, а при чём тут философия? – растерялся Журналист. – Ведь вы изобрели что-то в области физики...

За зданием приятно свистела иволга, слышалось журчание ручья, а он вынужден был сидеть в этом скучном помещении с неопрятным человеком. Глаза сами слипались, пальцы начинали бездействовать, и казалось, что от отчаяния можно было бы просто завывать, чтобы хоть как-то выплеснуть накопившееся раздражение и бессилие.

– Философия – наука, на которой базируются все остальные науки, в том числе и физика, – поучительно сказал Изобретатель, подняв палец, и спохватился. – Итак, всем известно, что мир, Вселенная развиваются по восходящей спирали: от низшего к высшему, от простого к сложному, по так называемому «закону отрицания отрицания». Его смысл заключается в том, что каждая реальность отрицает предыдущую, хотя сама вышла из неё, и в то же время она сама является отрицанием последующей реальности... Вы меня понимаете?

Журналист, на лице которого отразилась вся гамма чувств – от скуки и раздражения до лёгкого удивления и внутреннего сопротивления – смог только кивнуть, ощущая, как внутри него всё бурлит от необходимости догонять чужую мысль, словно пытаюсь зацепиться за тонкий канат философских построений.

– Например, – продолжал Изобретатель. – Росток отрицает семя, листья – росток. У человека развитие идёт по следующему пути: младенчество – детство – юность – зрелость – старость, и заметьте, каждый период является одновременно отрицателем и отрицаемым. В мире нет ничего одинакового. Деревья, которые сейчас растут, отличаются от тех деревьев, что росли сто лет назад. Различия, конечно, ничтожные и незаметные, но они есть. Если сравнить с растениями миллионной давности, то отличия явные. Это о чём говорит? Что мир развивается. Процесс движется по спирали. Он соприкасается с предыдущим, однако значительно выше и прогрессивнее. Ещё один пример: до человека разумного – хомо сапиенса – на Земле жили гидельбергские люди, кроманьонцы, неандертальцы, синантропы, рамапитеки, парапитеки, пезижантропы, дриопитеки и прочие. Все они выходили из одного генеалогического древа, а какие различия!

– И как связан с этим законом ваш конвектор?

– Он поворачивает закон отрицания отрицания в обратную сторону. То есть от сложного к простому, от высшего к низшему, по суживающейся спирали вниз...

– Я что-то не уловил, – сморщил лицо Журналист. Не любил он философию, с университетских времён не мог терпеть Гегеля, Фейербаха, Маркса и прочих. Туманные вещи писали эти мудрецы: длинные, запутанные конструкции, которые, казалось, говорили многое, но на практике почти ничего не объясняли. Он привык к фактам, к цифрам и конкретике, а здесь приходилось крутиться между словами и образами, пытаюсь вычленив хоть каплю ясного смысла.

– Я пуцу процесс развития в обратную сторону. Человек будет развиваться от хомо сапиенса к своим предыдущим ступеням – кроманьонцам, неандертальцам и так далее до первого примата. Планета Земля начнёт возвращаться в первоначальное состояние: по ней пройдут предыдущие геологические и природно-климатические изменения, пока она не превратится сначала в раскалённый шарик, а потом и вовсе в межзвёздную пыль.

– Так вы хотите привести мир к гибели? – изумился Журналист, подумав, что видит перед собой маньяка-террориста, решившего уничтожить мир новым супероружием. Его сердце забило быстрее, ладони вспотели, и лицо непроизвольно побледнело: разве можно оставаться спокойным, когда собеседник говорит о превращении Земли в пыль и возврате человечества к обезьяньим стадиям?

– Если вы сильны в философии, то должны понимать, что рождение и гибель мира – это объективный исторический процесс. Человечество всего лишь маленький этап в развитии Вселенной. Двигается только материя, а какая разница, в какую сторону. Если материалисты правы, то материя вечна: она была, есть и будет. А если не имеет начала и конца, то сужива-

ющаяся спираль будет такой же бесконечной, как и раскручивающаяся. Регресс вместо прогресса не приведёт к хаосу, если, конечно, в мире не было первотолчка!

Журналист в недоумении уставился на Изобретателя. Ему, если честно, стала надоедать эта лекция. Он наслушался подобной болтологии ещё в университете: длинные, витиеватые конструкции, претендующие на мудрость, но оставляющие только головную боль. В это воскресное утро он не был настроен на дальнейшую учебу; думалось о том, как приятно было бы сидеть на берегу реки с удочкой, а не слушать философско-физические рассуждения в прокуренной комнате.

– Какой ещё первотолчок? – всё-таки спросил он.

– Идеалисты считают, что процесс развития мира начался с начала – первотолчка. А толчок обеспечила всемогущая сила. Её по-разному называют – Абсолют, Бог, Вселенский разум и прочее. Материалисты доказывают, что мир всегда был в развитии, а источником является не первотолчок, а единство и борьба противоположностей.

– Ага, теперь начинаю понимать. Повернув этот процесс в обратную сторону, вы хотите увидеть, каким мир был раньше?

– Вы угадали. Это и есть единственная возможность заглянуть в прошлое. Вот почему я и пригласил репортёра принять участие в моей экспедиции и запечатлеть всё на плёнку.

Тут Журналиста бросило в дрожь. Он почувствовал какую-то неувязку в словах горючего, странную смесь восторга и опасности, будто стоял на краю обрыва и должен был сделать шаг вперёд, не зная, где окажется.

– П-простите, а мы разве не начнём тоже изменяться под воздействием конвектора? Не превратится ли наша личностная эволюция в деэволюцию, то есть прогресс в регресс, а? Мне бы, честно говоря, не хотелось превращаться в какую-нибудь зелёную доисторическую жижу...

Изобретатель его успокоил:

– Не беспокойтесь, сэр. Я предусмотрел меры предосторожности. Нас сохранит специальное защитное поле. Мы будем находиться вот на этой площадке под прикрытием колпака, – он указал на гигантскую колбу. – Вокруг нас будет происходить этот глобальный процесс де-развития или регресса, а мы будем визуально наблюдать.

Журналист посмотрел на колбу и кивнул. Внутри него начало пробуждаться что-то новое – странный микс азарта, любопытства и даже восторга. Сердце билось быстрее, дыхание учащалось, а привычная скука и раздражение постепенно отступали, уступая место предчувствию грандиозного события, свидетелями которого они вот-вот станут.

– И что вы хотите увидеть? Как люди вновь создадут Римскую империю, а новый Спартак поведёт за собой рабов? Или как жабы и змеи превратятся в динозавров?

Изобретатель усмехнулся:

– Нет, чуть дальше. Я хочу увидеть Большой Взрыв!

– Какой ещё взрыв? – испугался Журналист, вновь возвращаясь на грешную землю. «Этот учёный всё-таки террорист. И зря я с ним связался», – мелькнула у него мысль.

– Пятнадцать миллиардов лет назад произошёл взрыв, который и породил нашу Вселенную. После него Вселенная расширяется, как говорят физики и астрономы, и внутри неё происходит всё, что мы сейчас видим. Представьте себе: в этом мире существуют сотни и сотни миллиардов звёзд и галактик. А что же было раньше, до взрыва? Что было на месте Вселенной? И где она сама висит? Если она не имеет конца и начала, то как она может расширяться?

– Значит, вы всё-таки верите в первотолчок, – съехидничал Журналист.

– Я ни во что не верю, пока сам не увижу, – сухо ответил Изобретатель. – Я просто хочу увидеть этот взрыв и то, что было до него. И ради этого я пушу процесс развития Вселенной в обратную сторону.

– Но если с момента взрыва до сегодняшнего дня прошло пятнадцать миллиардов лет, то как мы проживём столько времени, если даже пустим процесс в обратном направлении? Ведь от прогресса к регрессу должно пройти столько же времени, как от регресса к прогрессу, – тут Журналист получил скрытое удовлетворение оттого, что высказал неглупую мысль.

Изобретатель по достоинству оценил хватку собеседника и снисходительно усмехнулся:

– Об этом не беспокойтесь. По естественным законам мы действительно не протянули бы столько миллиардов лет. Но я вмонтировал в конвектор модуль, ускоряющий процесс движения материи в обратном направлении в сотни миллионов раз. До момента Большого Взрыва мы доберёмся за три, максимум за четыре часа. А когда увидим это грандиозное зрелище, я запущу конвектор заново, и мы вернём мир в сегодняшний день. Согласны?

Журналист, немного помедлив, кивнул. Что ему было терять? Лучше наблюдать за всем со стороны, чем самому превращаться в эмбрион или сперматозоид. Сердце бешено стучало, ладони потели, но в глубине просыпался странный восторг – предвкушение того, что он станет свидетелем события, о котором будет писать потом с открытым ртом.

Изобретатель пригласил Журналиста встать на специальную площадку. Сверху на них медленно опустился стеклянный колпак: толстое прозрачное стекло, холодное на ощупь, покрытое инеем от конденсата, создающее ощущение герметичной капсулы, словно они оказались внутри гигантского аквариума.

Ученый включил питание самой машины. Вздрогнули стрелки на циферблатах, замигали индикаторы, на экране монитора побежали цифры и непонятные символы, как если бы сама математика Вселенной ожила. Что-то внутри кожуха загудело – низкий, вибрирующий гул, проникающий в грудь и кости, – и всё вокруг замерцало: мощные ускорители-конвекторы начали преобразовывать окружающий мир, переводя его на иной путь развития.

И тут Журналист ахнул.

Окружающий мир, словно по взмаху волшебной палочки, пришёл в стремительное движение. Современные млекопитающие сжались и исчезли, змеи и птицы обратились в простейшие формы жизни, амёбы и одноклеточные плавающие организмы заполнили океаны. Шесть континентов дрейфовали к центру планеты, сливаясь в единый материк – гипотетическую

Гондвану. Земля начала раскаляться: кора плавилась, океаны испарялись, атмосфера свернулась в клубы газа. Планета растягивалась и деформировалась по осям, затем распалась на множество мелких осколков, которые постепенно растворились в межзвёздный газ.

Солнце изменило цвет с жёлтого на голубой – став молодой звездой – и затем распалось на фрагменты, которые тоже растворились в пространстве. Всё было окрашено в сумасшедшие оттенки синего, красного и золотого, как в калейдоскопе, где движение и разрушение превращались в единый гипнотический танец. Журналист только и успевал щёлкать своей фотокамерой «Сапон», стараясь не упустить ни одного кадра этого зрелища.

Когда от родной планеты не осталось ничего, кроме метаплазмы, исследователи продолжили своё наблюдение, словно висая в пространстве мыльным пузырьём. Перед ними постепенно расформировалась солнечная система: планеты сливались в газовые облака, астероиды распались на пыль, орбиты исчезали, звёзды постепенно теряли форму, пока всё скопление протогаза, галактик и звёзд не начало устремляться к единому центру.

– Это, наверное, оттуда всё началось, – прошептал Изобретатель, в волнении схватив Журналиста за рукав. – Ещё немного, и мы увидим Начало...

Через несколько минут всё вещество Вселенной скомковалось в единую массу, и затем произошла яркая вспышка, ослепляющая, как миллионы солнц, взрывающихся одновременно. Люди закрыли глаза, а когда открыли, у Изобретателя отвисла челюсть. Журналист схватился за сердце, не в силах поверить, что они стали свидетелями момента, когда сама Вселенная свернулась в точку, из которой впоследствии родилось всё существующее.

Перед их взорами предстал гигантский человек: высокий, словно скала, с густой бело-снежной бородой, ниспадающей на грудь, и длинными волосами, сияющими светом. На нём было простое белое одеяние, которое слегка развевалось, будто его окутывал невидимый ветер. Над головой горел ореол – золотистый, мягко переливающийся всеми оттенками, будто солнечные лучи застряли в воздухе и образовали сияющий венец. Его глаза сверкали гневом, словно молнии, готовые расколоть всё вокруг.

– Что вздумали, нечестивцы! – загремел он так, что в ушах у людей зазвенело, и сердце подпрыгнуло. – Со мной спорить! Повернули моё творение вспять, богохульники?! Да я вас сейчас... знаете, что я с вами сделаю?..

– О, Господи! – только и смогли произнести ошарашенные Изобретатель и Журналист. Они поняли, кто перед ними стоит.

– Он самый, – усмехнулся Всевышний, слегка наклонив голову. – Интересуетесь Большим Взрывом? Всё очень просто. Я тут давеча в лаборатории экспериментировал с химикатами и малость переборщил в пропорциях. В итоге рвануло – вот и зародилась ваша Вселенная. Это стало первотолчком для вашего развития. Теперь вам всё ясно, материалисты-диалектики?

– Д-да, – выдавил из себя Изобретатель, с ужасом глядя в глаза Бога.

– А если теперь вам всё ясно, то марш к себе домой! И чтоб больше такого не повторялось! Ишь лозунг выдвинули – «Регресс вместо прогресса!»...

И перед глазами путешественников всё замелькало: цвета переплетались, формы искривлялись, пространство казалось, сжималось и растягивалось, мелькали контуры планет и звезд, вихри света закручивались в спирали, и казалось, что сама Вселенная разом подмигнула им, демонстрируя свой бесконечный хаос и порядок одновременно.

– ...и мы вернём мир в сегодняшний день. Согласны?

Журналист, немного помедлив, кивнул. После этого Изобретатель пригласил его вступить на специальную площадку, и сверху на них опустил стеклянный колпак – тяжёлое прозрачное стекло, холодное на ощупь, с инеем по краям, словно защищавшее их от невидимых сил, которые сейчас гуляли вокруг.

Затем учёный включил питание самой машины. Вздрогнули стрелки на циферблатах, замигали индикаторы, на экране монитора побежали цифры и непонятные символы, словно

сама математика Вселенной ожива. Что-то внутри кожуха загудело – низкий, вибрирующий гул проникал в грудь. И тут раздался треск: лопнули предохранители, искры полетели, а индикаторы замигали хаотично.

– Ах, чёрт! – выругался Изобретатель. – Путешествие отменяется! Придётся вам прийти в следующий раз...

Журналист усмехнулся и пошёл прочь, мысленно смеясь над неудачей горе-учёного. Он сразу понял, что этот конвектор – такое же творение, как вечный двигатель или фотонный звездолёт, то есть абсолютно бесполезные вещи: блестящие, причудливые, но практически неработающие. «Завтра же скажу редактору, чтобы он больше не отправлял меня на такие idiotские задания», – решил Журналист и заспешил на остановку.

Он ещё надеялся успеть на загородный автобус. Рыбалка ждала его – свежий воздух, удочка, тихие плески воды и возможность забыть обо всех безумствах этой странной воскресной утренней авантюры.

(Февраль 1992 года, Ташкент)

СИЛА МУРАВЬЯ (Фантастический рассказ)

Это больше продолжаться так не может. Сегодня Иванов, этот безмозглый баран, окончательно достал меня своим дремучим невежеством, глупостью и язвительными приколами, которые отказался бы напечатать самый пьяный редактор самой паршивенькой газетенки. Я выскочил, переполненный гневом и смятением, из зала, где проходило профсоюзное собрание работников Института физиологии животных и насекомых – длинного, душного помещения с низким потолком, облупленными стенами цвета вываренной горчицы, портретами академиков с выцветшими глазами и вечным запахом пыли, старой бумаги и давно не мытых полов. Скрипучие ряды деревянных стульев стояли там так тесно, словно людей заранее готовили не к обсуждению, а к коллективной казни, а лампы дневного света мерцали с таким надрывом, будто и сами хотели поскорее погаснуть и не быть свидетелями происходящего.

Во мне все так кипело и бурлило, что попадись кто-либо на пути – снес бы башку. В течение часа люди были свидетелями моей перепалки с Ивановым, не смея прервать ее. Мой оппонент, который почему-то именовался ученым и имел по ошибке Высшей аттестационной комиссии степень кандидата биологических наук, больше походил на кусок несвежего мяса, и его слова больше напоминали тухлое зловоние. Поэтому в моем сознании его образ ассоциировался с кабаном, никогда не знавшим воды: жирным, потным, с заплывшими глазами и вечно влажными губами, из-под которых вырывалось нечто среднее между хрюканьем и нравоучением. Думаю, и я для него представлялся не лучшим образом. Но меня возмутил тот факт, что директор, профорг и сотрудники все шестьдесят минут молчали, даже не высказали против этого жирного борова обвинений, а они у них, естественно, были. В принципе, они знали, что наша с Ивановым вражда имеет глубокие корни: еще наши деды, будучи соседями и сослуживцами, терпеть не могли друг друга, и эти чувства иногда переходили в кулачные сражения районного масштаба, с участием участкового, фельдшера и обязательным последующим примирением под самогон.

Сейчас между потомками шел словесный бой.

– Для Иванова есть правило, которое сводится к лозунгу жизни: «Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан!» – в ярости кидал я обвинения прямо в расплывшуюся физиономию институтского кабана. Она была такой большой, что плюнь я в сторону, все равно попал бы в нее.

– Товарищи! – продолжал я, не давая возможности оппоненту открыть свою «хлебо-резку». – Среди нас затесался недоучка и прохиндей, который марает честное и гордое имя исследователя, позорит отечественную науку!

– Кого вы слушаете, друзья! – в ответ вопил Иванов, описать которого иначе как движущийся склад жира было невозможно: короткая шея утопала в плечах, пиджак трещал на пуговицах, лицо багровело от напряжения, а мелкие глазки бегали, как у загнанного зверя, напирая на меня как танк. В данной ситуации я рисковал здоровьем: мой соперник весил не меньше двухсот килограммов. – Каюмов в своей лаборатории руководствуется одним правилом с двумя пунктами. Пункт первый: Каюмов всегда прав! Пункт второй: если Каюмов не прав – смотри пункт первый! После назначения этого недоноска завлабом все научные планы по изучению жизни и физиологии муравьев пошли вкось и наперекосья! Вместо отчетов Каюмов сдает макулатуру!

Тут директор не выдержал и рявкнул так, что стекла в окнах зазвенели. Этот человек, обычно напоминавший добродушного сельского врача на пенсии – с аккуратной бородкой, мягким взглядом и привычкой говорить вполголоса, – в тот момент преобразился до неузнаваемости. Сотрудники были поражены: мягкий и сердечный директор аж перекосялся от злости,

его лицо стало зеленым, словно его самого только что макнули в формалин. Твердым и решительным голосом он отменил собрание, перенес его на неопределенное время, и приказал всем разойтись по домам.

Уже было темно, часы показывали половину седьмого, но я и не собирался подчиниться приказу шефа. Мои коллеги устремились к дверям, на ходу напяливая плащи, а я направился в сторону лаборатории. Внутри меня кипело как в жерле вулкана. Энергия, накопившаяся для длительной перепалки, так и не была до конца востребована. Требовалась разрядка. В таких случаях я ее получал за приборами и колбами, полностью окунаясь в работу. Смысл и содержание ее никто в институте не знал. И это было естественно. Я считал сверхурочную работу личным делом.

Я горел желанием наказать Иванова. И не просто наказать, а так, чтобы он навсегда понял – со мной и с моим древним родом шутки плохи. Хорошенько избить его я не мог по одной причине: мы с Ивановым находились в разных весовых категориях. Если я, юркий и ловкий, годился для занятий фехтованием, то этот жирный боров – для японской борьбы сумо.

Передо мной, как ученым, стояла задача: раз Иванов физически превосходит меня, то необходимо найти способ, чтобы усилить собственный физический потенциал. Конечно, нарастить мышцы за короткое время было невозможно, но тут на помощь мне пришла наука – та самая, которую этот боров так любил поносить, не понимая ни ее сути, ни ее коварной красоты. Не зря я заведовал лабораторией, где изучалась физиология муравьев. А это насекомое, как известно, отличается страшной силой. Муравей способен поднять груз в шестнадцать раз превышающий собственный вес. Никакая современная техника, ни гидравлика, ни электроприводы, ни хитроумные системы рычагов, не способны воспроизвести это соотношение в таких миниатюрных масштабах. Значит, нужно было найти причину, почему муравей такой сильный и выносливый, а затем – перенести этот механизм на собственные мускулы.

Я приступил к исследованиям с маниакальной сосредоточенностью человека, которому больше нечего терять. Вскоре мне удалось выделить вещество, придающее организму насекомого силу, устойчивость к перегрузкам и феноменальную экономию энергии. Я назвал его муростиморол – вязкой, опалесцирующей субстанцией с едва уловимым запахом сырой земли и муравейника после дождя, словно в нем была законсервирована сама логика коллективного труда и биологического упорства. Не скажу, что это было легко. Если на анализы у меня ушло три недели, то на синтез муростиморола – два месяца непрерывной борьбы с нехваткой реагентов, просроченными химикатами, разболтанными центрифугами и инструкциями, написанными людьми, давно ушедшими в мир иной. Мне приходилось импровизировать, заменять одни вещества другими, очищать растворители вручную, перегонять их ночами, рискуя устроить маленький локальный апокалипсис в стенах института. Иногда казалось, что сама материя сопротивляется мне, не желая раскрывать свой секрет человеку.

Никто в лаборатории не догадывался о моих экспериментах. Ни в научных отчетах, ни в докладных записках, даже в бытовых сплетнях я не заикался о них, хотя сотрудники заметили, что мной часто по вечерам используется сложнейшая аппаратура в неизвестных целях: спектрометры, криоустановки, установки тонкослойной хроматографии начинали жить своей ночной жизнью. На их вопросы я только отшучивался, мол, готовлюсь совершить переворот в мировой биохимической науке и стать кандидатом на Нобелевскую премию. Они смеялись, а я мысленно уже примерял белый халат палача.

Поймите меня правильно. Стоило мне лишь заикнуться о сути моих экспериментов, психиатрическая клиника была бы мне обеспечена надолго – с мягкими стенами, уколами и бесконечными беседами о подавленной агрессии.

Муростиморол хранился в специальном резервуаре при температуре минус сто сорок пять градусов по Цельсию. Именно в этом режиме его молекулярная структура сохраняла ста-

бильность и не распадалась на бесполезный биологический мусор. В таком состоянии он мог лежать неопределенно долгое время. Но не думаю, что очень долго, ибо и я, и препарат ожидали своего звездного часа, словно дуэлянты, стоящие спиной друг к другу.

И этот час настал после собрания. Я стрелой влетел в лабораторию, кодом открыл термостат и достал маленькую дымящуюся колбочку. Муростиморол заиграл разноцветными бликами на стеклянных гранях, словно в нем переливались закатные огни, северное сияние и холодный блеск стали. Он будто жил своей собственной жизнью, пульсировал, отзывался на мое дыхание, заставляя меня прищуриться и на мгновение усомниться в здравости своего поступка.

Я быстрыми движениями вскрыл колбу и, ни минуты не колеблясь, выпил все без остатка. В тот момент мне в голову даже не пришла мысль о том, как воспримет человеческий организм это вещество, не окажется ли оно ядом, медленным или мгновенным.

В первые секунды ничего не происходило. Я терпеливо ждал проявления реакции, прислушиваясь к себе, к биению сердца, к шуму крови в ушах. И, наконец, через пару минут почувствовал, как мышцы налились какой-то необычайной, чуждой человеческому телу силой. Муростиморол горячей рекой вливался во все части моего организма: сначала в позвоночник, словно в него вливали расплавленный металл, затем в плечи, грудь, руки, ноги. Каждое волокно отзывалось жгучей, сладкой болью, как после предельной тренировки, умноженной на сотню. Мне казалось, что кожа вот-вот треснет, не выдержав давления изнутри, а кости зазвенят, как струны, натянутые до предела.

Когда жжение прошло, я ощутил необычайную легкость, почти невесомость, будто сила больше не давила на тело, а подчинялась ему. Для начала я подошел к трехтонному мезотрону – громоздкому агрегату из стали и бетона, покрытому слоем пыли и табличками с предупреждениями, который десятилетиями использовался для регистрации элементарных частиц и считался неподъемным монументом советской науки. Он был намертво приварен к металлическим балкам и уходил фундаментом в пол. Я обхватил его руками – и без усилия вырвал вместе с куском бетона, как сорняк из рыхлой земли.

– Сработало! – обрадовался я, выскакивая из лаборатории.

Я хотел нагнать Иванова, пока он не ушел из института, и наказать.

Но беспокоиться мне не пришлось. Мой враг, размахивая руками, вылетел мне навстречу из своей лаборатории и был возбужден до состояния животной ярости: лицо его пылало, глаза налились кровью, дыхание сбивалось, а жирное тело колыхалось, как студень, готовый сорваться с тарелки. Он кричал что-то нечленораздельное, брызгал слюной и явно утратил последние остатки рассудка.

– Ага, вот ты где, подлец! – заорал Иванов и кинулся в атаку.

Я был готов к отражению нападения этого кабана.

– Ты труп, Иванов! – злобно прошипел я и, схватив его за ворот, резко поднял над полом. Пиджак с треском врезался мне в ладони, тело Иванова болталось в воздухе, как мешок с кормом, а ноги беспомощно заскребли по пустоте. Он опешил от моей прыти, его глаза вылезли из орбит, рот открылся в немом крике. Конечно, если мезотрон казался мне легче пушинки, то эта туша для меня вообще ничего не весила.

– Что будешь делать, Иванов? – зло хохотал я прямо в лицо толстяка. Мои пальцы переместились в область шеи, впиваясь в мягкие складки, где я пытался прервать доступ кислорода в легкие. Обалдевший противник захрипел, изо рта потекла слюна, ноги задергались в судорогах, тело дергалось и извивалось, но силы покидали его с каждой секундой.

– Человек-муравей сильнее тебя, Иванов! – радостно крикнул я, заметив, как его лицо стало сначала багровым, затем синюшным, а глаза затянулись мутной пленкой.

– Нет... это неверно... – выдавил из себя тот и вдруг резко задрал ноги.

На моих изумленных глазах его зад начал вытягиваться, удлиняться, деформироваться с отвратительным влажным хрустом, словно тело вспоминало чужую, насекомую анатомию. Кожа разошлась, позвоночник выгнулся, и из-под брюк выдвинулось длинное, глянцевое, хитиновое жало, остроконечное и подрагивающее, как живая рапира, готовая к уколу. Это был не мультфильм и не компьютерная графика. Я отказывался верить реальности, но она безжалостно происходила прямо у меня в руках.

Тем временем Иванов, уже почти без сознания, приподнял свое грозное оружие и – бац! – порция сильнодействующего яда вонзилась мне в бок. Удар был резким, жгучим, словно в меня воткнули раскаленный гвоздь и впрыснули расплавленный огонь. Меня словно обожгло изнутри, боль мгновенно разлилась по телу.

Я замер. Яд действовал очень быстро, ибо уже через три секунды мои пальцы будто пробило током, мышцы свело судорогой, и они бессильно разжались. Сила, еще мгновение назад переполнявшая меня, утекала, как вода сквозь треснувший сосуд. Иванов мешком рухнул на пол. Судя по застывшему лицу и высунутому языку, он был уже мертв от удушья.

Но и со мной было неладно. Перед глазами поплыли круги, коридор вытянулся и закрутился, свет померк, превратившись в грязно-серое марево. И прежде чем сознание навсегда покинуло мой мозг, я вспомнил, что Иванов заведовал лабораторией жизни и физиологии пчел. Он, наверное, тоже экспериментировал с этими насекомыми...

(Май 1995 года, Ташкент)

НЕОЭВОЛЮЦИЯ (Фантастический рассказ)

Эта история началась, казалось бы, с безобидного товара, что начала выпускать месяц назад продуктовая компания «Фуд-монжи сервис, СО ЛТД». Мне неизвестен изобретатель «Эшона-М» – вещества, по виду напоминающего стиральный порошок, но на самом деле являющегося мощным катализатором: оно позволяло желудку лучше усваивать пищу, в тысячу раз усиливая вкусовые качества и возбуждая у человека зверский аппетит. Сухие серовато-белые гранулы, чуть поблескивающие, будто припудренные сахарной пудрой, легко растворялись в любой среде – от супа до теста, не меняя цвета блюда, но полностью перекраивая его суть. Запах у «Эшона-М» был почти неуловим – слабый, сладковатый, с металлической ноткой, которая почему-то вызывала слюноотделение еще до того, как порошок попадал в пищу. Думаю, этот изобретатель был или слишком умным и коварным, желающим наказать детей божьих за чревоугодие и самодовольство, или недальновидным и ограниченным, ибо не сумел предвидеть последствия своего открытия.

Первые лабораторные анализы показали, что препарат безвреден. Он не вызывал отравлений, не разрушал слизистую, не оставлял следов токсинов в крови. Но когда накопленные в организме элементы «Эшона-М» достигают критической массы, там начинают происходить необратимые изменения, причем на генетическом уровне. Молекулы вещества встраивались в цепочки ДНК, словно чужеродные символы в священный текст, переписывая сигналы голода и насыщения. Клетки желудка утолщались, ворсинки кишечника разрастались, нервные окончания, отвечающие за вкус, начинали делиться, как опухоль, усиливая импульсы до нестерпимого восторга. Организм переставал понимать слово «достаточно»: пища превращалась в цель, в смысл, в единственный способ существования.

Эксперименты не удалось довести до конца и выявить на лабораторных крысах все последствия этого открытия. Дело в том, что компания стала терпеть финансовый крах – говорят, на фондовой бирже конкуренты сумели сбить курс акций «Фуд-монжи сервиса», – и, чтобы выправить положение, пришлось выбросить препарат на рынок, даже не взяв разрешения у Департамента здоровья.

Руководство фирмы предприняло решительные шаги по стабилизации финансовой ситуации. Для начала оно разработало план масштабной атаки «Эшона-М» на потребительский рынок, а затем приступило к широкомасштабной операции. В течение месяца по телевидению ежечасно крутили видеоролики о возможностях нового препарата: счастливые семьи за столами, ломящимися от еды, дети с сияющими глазами, старики, вновь ощутившие «радость вкуса жизни». По радио подняли ажиотаж, запуская псевдонаучные передачи и восторженные отзывы «независимых экспертов». Все дороги и магистрали были утыканы рекламными щитами, иногда загромождающими даже дорожные знаки: на них красовались тарелки с дымящимися блюдами и слоганами о «настоящем вкусе, который вы заслужили». Все рестораны, магазины и пекарни старались реализовать или использовать при приготовлении пищи «Эшон-М», потому что клиенты, попробовавшие еду без него, морщились и больше не возвращались.

Люди, едва попробовав его, фактически становились наркоманами. Теперь ни одно блюдо или кулинарное чудо не могло обойтись без добавки «Эшона-М»: суп казался пустым, мясо – резиновым, хлеб – безжизненной массой, если в нем не было этой порошковой магии. Я видел, как взрослые, солидные люди тайком досыпали препарат в уже готовые блюда, дрожащими пальцами, словно боясь, что кто-то отнимет у них последнюю дозу удовольствия. После первой дегустации население в срочном порядке стало скупать препарат большими партиями и активно внедрять в домашнюю кухню. В первое время фирма не сумела полностью удовлетворить потребителей необходимым количеством препарата, и поэтому в супермаркетах стояла

давка. Помнится, была даже перестрелка в трех-четырех городах между покупателями, спорившими, кто купит «Эшон-М», а в портовых районах две мафии разбирались между собой, кто будет подпольно распространять препарат на территории своего влияния, оставляя после себя трупы, запах пороха и рассыпанные по асфальту пакеты с заветным порошком. Но тогда люди не знали, какая это бомба замедленного действия.

Восхитительные эпитеты и метафоры, вздохи и ахи слышались не только от людей, выходящих из ресторанов и столовых, но и лились ручьем с экранов телевизоров и из динамиков радиоприемников. Ведущие, облизывая губы, говорили о «вкусе, который переворачивает сознание», кулинарные критики впадали в экстатические паузы, словно переживали религиозное откровение, а приглашенные «простые граждане» плакали в прямом эфире, утверждая, что впервые в жизни по-настоящему поели. Любая уважающая себя газета не могла не напечатать в ежедневных новостях либо рекламу, либо какую-нибудь подробность об «Эшоне-М»: где-то сообщали о рекордных продажах, где-то публиковали рецепты «идеального ужина», а где-то выходили целые полосы, посвященные «культурному феномену нового вкуса», с фотографиями сияющих лиц и пустых тарелок, вылизанных до блеска. Не только в высшем свете, но и среди простого люда считалось дурным тоном подавать блюда без этого препарата – мне известно всего лишь десяток подобных случаев, правда, дело тогда закончилось потасовкой и несколькими трупами. Репортеры прокомментировали это так: «Ссора началась из-за невежества одной стороны, не подавшей препарата с едой, и несдержанности другой, оскорбленной таким кощунством».

После этих событий в трехдневный срок был издан указ Президента о мерах по обязательному внедрению в пищевой оборот «Эшона-М». Если дело выходило на государственный уровень, то представьте, какой популярностью пользовался препарат: его вносили в списки стратегически важных товаров, охраняли склады, обсуждали на заседаниях комитетов и рекомендовали включать в армейский рацион «для повышения боевого духа». Я же не имею таланта, чтобы описать вкусовые ощущения от еды, где подмешан катализатор. Ни одному поэту или писателю не удалось в своих произведениях ярко и точно рассказать о возможностях «Эшона-М». Обыкновенные спагетти, которые канули в небытие, и спагетти-«Эшон-М», пользующиеся популярностью, – это две разные вещи, отличающиеся друг от друга как сырое мясо лягушки от бутерброда «Биг Мак».

На второй месяц употребления препарата начала надвигаться катастрофа, причем мирового масштаба. Вначале это проявилось в некоторых физиологических изменениях в организме: кожа грубела или, наоборот, покрывалась странной слизью, менялся запах тела, ногти и зубы росли с пугающей скоростью, а затем началась резкая трансформация, ломавшая человеческую форму, как мокрую глину в неумелых руках. Лишь затем ученые доказали, что катализатор позволяет усвоить не только пищу, но и генетическую информацию, заложенную в еде. Это приводило к тому, что человеческий организм превращался в то, что съел. Например, если кто-то за ужином попробовал свинину, то через час сам становился поросенком. Такой способ усваивания генетической информации привел к ужасным последствиям.

К концу второго месяца в нашем городе бегали кабаны в джинсах, паслись бараны и коровы в вечерних платьях, а по небу летали гуси и утки, сбрасывая на головы оставшихся в человеческом обличье прохожих туфли и сапоги. Оказалось, что любители даров моря и ярые поклонники гастронома «Океан» превращались в сазанов, скумбрий и моллюсков. Им больше всего не повезло, поскольку рыбы живут только в водной стихии, а в нашем пустынном краю с трудом отыщешь пруд. Открыв рот и раздувая жабры, они глотали горячий воздух, судорожно дергались на раскаленном асфальте и вскоре погибали, оставляя после себя лишь влажные пятна и запах сырой чешуи. Некоторым, правда, удалось добраться до канализации, только жизнь там – упаси боже! – хуже, чем в аду.

Мрачно вато сложилась судьба и любителей экзотических блюд – скажем, тараканов, жучков, саранчи, змей и прочей гастрономической гадости, которой раньше хвастались в телешоу и дорогих ресторанах. Огромные по размеру насекомые и рептилии бродили по улицам, шурша хитином, царапая асфальт чешуей и оставляя после себя следы слизи и страха. Тараканы раз-

мером с собаку облепляли подъезды, саранча темными тучами оседала на балконах, а змеи, еще недавно бывшие офисными клерками и домохозяйками, свивались в клубки на детских площадках. Между разными существами началась смертельная борьба за существование: когти рвали хитин, клыки вонзались в мягкие брюшки, яды и токсины снова обрели смысл, а улицы наполнились визгом, шипением и влажным хрустом разрываемой плоти. Тут ярко проявились законы Дарвина – выживали самые быстрые, самые зубастые и самые безжалостные. В новом мире стали складываться новые отношения: бывшие люди поедали своих же собратьев, только в ином обличии, и при этом сами нередко становились объектами охоты, не успев осознать, что утратили право называться вершиной пищевой цепи.

Тот, кто остался человеком, стал опасаться выходить из дома – в любую минуту могли напасть человек-медведь или человек-пума, еще вчера покупавшие газету в том же киоске. Но это было еще полбеды. В городе появились совершенно фантастические создания, в которых любой врач-инфекционист или биолог по микрофлоре без труда мог признать кишечные палочки, бледную спирохету, ВИЧ, аскариду, ленточных червей и даже инфузорию-туфельку. Эти существа ползали, дрожали, переливались полупрозрачными телами, вторгались в вентиляцию и водопровод, проникая туда, куда не добирались даже крысы. Это был прямой результат того, что не все люди соблюдали личную гигиену и в итоге превращались в микробы и вирусы, утратив человеческий масштаб и вместе с ним – человеческое мышление.

Когда ученые наконец разобрались, в чем дело, они начали предупреждать население, чего следует опасаться. «Эшон-М» стали изымать из торгового оборота, склады опечатывали, партии препарата жгли или сливали в бетонные хранилища. Прокуратура даже хотела привлечь к уголовной ответственности руководителей «Фуд-монжи сервиса», но прибывшие с ордером на арест полицейские в кабинете президента компании обнаружили двух огромных медуз, медленно пульсирующих в воздухе, как живые люстры. Их полупрозрачные тела отливали всеми оттенками перламутра, а длинные щупальца тянулись к мебели и людям, оставляя ожоги. Говорят, президент и его секретарша любили разводить подобных морских тварей в аквариумах и, скорее всего, решили испробовать их с «Эшоном-М» – а вдруг это вкусно?..

Однако все попытки правительств остановить неоеволюцию закончились крахом: джинн был выпущен из бутылки, и развитие человечества по его же собственной глупости пошло по иной, изломанной спирали. Государства распадались, армии теряли смысл, законы больше не распространялись на тех, кто обзавелся копытами, плавниками или хоботом. Мир стремительно скатывался в первобытный хаос, где право на жизнь определялось не паспортом и не профессией, а количеством зубов, скоростью реакции и умением вовремя убежать.

В надежде спастись люди отказывались от блюд с активированным веществом. Тогда они выходили на охоту, как это делали их предки тысячи лет назад, пытаясь добыть себе «чистое» пропитание. Как бы не так. Скажем, человек приносил на обед подстреленного зайца, не имея ни малейшего представления о том, что тот в свое время был волком. Хищник до этого, естественно, поживился кроликом, который раньше звался Смитом или Андреем. Так шел мировой кругооборот не только физиологии, но и генетической информации. Изменения происходили с такой скоростью, что трудно было догадаться, кто есть кто и кто кем был раньше. Вся Земля была загажена «Эшоном-М»: почва, вода, воздух – все несло в себе его следы, и от этого наследия уже невозможно было отмыться.

Я знавал одну семейку, решившую найти спасение в мире растений. Вегетарианство не пошло ей на пользу. Днем дедушка, бабушка, мама, папа и дети собрали в ближайшем лесу грибы, вечером поджарили их на сковороде, а наутро в их квартире я обнаружил растущие подосиновики – только гигантских размеров. Они пробили пол и потолок, пустили мицелий по стенам, источали влажный, гнилостно-сладкий запах, а в шляпках еще угадывались черты человеческих лиц. Впрочем, забыл указать, в нашем мире резко увеличилось количество сель-

скохозяйственных растений: слив, яблонь, апельсинов, картофеля. В некоторых местах я встречал хлопчатник и индийскую коноплю, и мне до сих пор не хочется знать, кем они были раньше.

Человечество стало быстро исчезать. К концу третьего месяца после появления на рынках «Эшона-М» никого из людей не осталось. Во всяком случае, я не встречал. Города опустели, дома зарастали лозами и плесенью, по площадям бродили существа без имен и прошлого, и лишь редкие следы цивилизации – ржавый автомобиль, перевернутый киоск, выцветший плакат – напоминали, что когда-то здесь жили люди.

Вот и сейчас я сижу, пишу эти строки, а сам гляжу нечеловеческими глазами на банку из-под крабов. Дело в том, что раньше они были моим любимым блюдом. Я помню их вкус, солоноватый, плотный, праздничный, и от этого воспоминания меня пробирает дрожь, потому что теперь я сам – то, что когда-то ел.

Конечно, писать то, что вы сейчас читаете, клешней не так уж и легко, но я стараюсь оставить письмо тем, кто еще называется людьми. Я надеюсь, что экспедиция, отправленная на Марс задолго до катастрофы, вскоре вернется и сможет узнать из моей истории всю правду: не о науке, не о корпорациях и даже не о «Эшоне-М», а о том, как легко человек соглашается променять себя на удовольствие, если оно достаточно сладкое и достаточно навязчивое. Пусть они прочтут это и поймут, что опасность была не в порошке, а в нас самих.

Надеждой на скорое возвращение космонавтов я и живу. Думаю, они заберут меня с собой. Но для этого необходимо вновь стать человеком.

Я знаю, как это сделать. Мне точно известно, что в подвале спрятался старичок, который, будучи провинциалом, всю жизнь питался тем, что давала ему природа. Он не любил новшеств со жратвой, мариновал, сушил и готовил продукты со своей фермы и, наверное, поэтому выжил. Провианта он наготовил на несколько лет – во всяком случае, до естественной смерти ему бы хватило.

Ожидая опасностей, он забаррикадировался наглухо в кирпичном доме. Только я знаю, где щель, через которую могу пробраться внутрь. Ведь теперь я маленький и юркий крабик, способный пролезть туда, куда не пройдет ни зверь, ни человек.

В сущности, я не каннибал. Я всего лишь последний свидетель. Но мне необходимо вновь стать человеком, чтобы дописать эту проклятую историю до конца, поставить точку и оставить предупреждение тем, кто однажды снова назовет себя венцом творения. Если вы читаете эти строки и у вас еще есть руки, а не клешни, если вы различаете вкус еды, а не только жадно глотаете ее, – бегите от легких чудес и сладких порошков. Потому что следующий, кто будет смотреть на пустую банку из-под крабов, может оказаться уже не мной.

(Август 1991 года, Ташкент)

МОЗГИ ПАЦИФИСТА (Фантастический рассказ)

Так уж исторически сложилось в человеческом обществе, что в вооруженных силах служат мужчины, хотя имелись исключения, например, амазонки – гордые и своенравные женщины, выросшие среди конского пота, звона бронзы и запаха крови. Их с детства учили натягивать тетиву так, что трещали сухожилия, держаться в седле, будто тело срасталось с лошадью, и смотреть на смерть спокойно, без суеты и истерики. В бою они не уступали сильному полу ни в ловкости, ни в жестокости, ни в упрямстве, а иногда и превосходили его, потому что сражались не ради приказа или жалования, а ради собственного мифа, ради доказательства права быть равными в мире, где сила решала все. Но это была редкость, историческая аномалия, вспышка на фоне общего правила.

А с самого детства только подростки страдают военной романтикой, мечтают о подвигах и приключениях, рисуют себя на фоне взрывов, в дыму и огне, непременно последними выжившими, теми, от чьего решения зависит судьба человечества на Земле. В этих фантазиях нет ни вони немытого тела, ни липкой усталости, ни тупой, разъедающей страхом мысли о том, что пуля не различает героев и статистов. Это естественно: юность жадна до смысла и ищет его в крайностях. Но чем ближе к совершеннолетию, тем быстрее сползает розовая пелена с глаз и вылетает дурь из головы. Вместо громких лозунгов приходит простая арифметика: срок службы, риск, здоровье, чужая воля, приказ, за который отвечать придется собственной жизнью. Тогда каждый юноша начинает глубоко задумываться над этим вопросом – стоит ли отдавать лучшие годы системе, где ты всего лишь винтик, и что именно ты получишь взамен, кроме выцветших воспоминаний и привычки подчиняться.

Согласно Конституции нашей страны, воинская повинность является обязательной для всех граждан мужского пола. В век эмансипации и феминизации, казалось бы, и женщинам есть место в армии, вспомнить хотя бы тех же амазонок. Но как показывает практика, это мало возможно. Причин много: во-первых, прекрасная половина человечества не может долго сосредотачиваться на чем-либо одном, скажем, на наблюдении за полетом вражеского истребителя, когда монотонная линия на экране тянется минутами, а каждая секунда требует ледяного терпения; во-вторых, часто теряется в критических ситуациях и, если произойдет внезапное нападение, просто не ответит адекватно, позволив панике взять верх над расчетом; в-третьих, вместо четкого и холодного анализа предпочитает чувства и воображение, поэтому нередко бывали случаи, когда все вооруженные силы поднимались по тревоге из-за того, что какая-то дама в погонах, увидев на экране хаотичное скопление отметок, принимала стаю гусей за пуск баллистических ракет, и сирены выли, штабы оживали, генералы вскакивали с коек, а потом долго и зло курили, проклиная человеческий фактор. Все эти причины чреватые негативными последствиями, и удивительно, что в то время, когда в армии присутствовали женщины, не произошло ядерной катастрофы. Естественно, что как только появилась первая возможность, генералы и военачальники высказались против использования женщин в армии, космоавиации и на флоте.

Кроме того, XXI век внес свои коррективы в несение военной службы, и оно стало разительно отличаться от того, что было в предыдущие столетия. Раньше, начиная аж с первобытного строя, основным считался человеческий фактор. Каждый солдат со своим бранным телом являлся боевой единицей, а от его физических и духовных возможностей зависело многое, часто даже исход битвы. Потому одних сутками гоняли по плацу, выбивая из них лишний жир и слабость, заставляя мышцы помнить боль, а других учили умирать правильно – капелланы, политруки и прочие наставники формировали нужную картину мира, где смерть за идею казалась логичной и даже желанной, а сомнение – пороком.

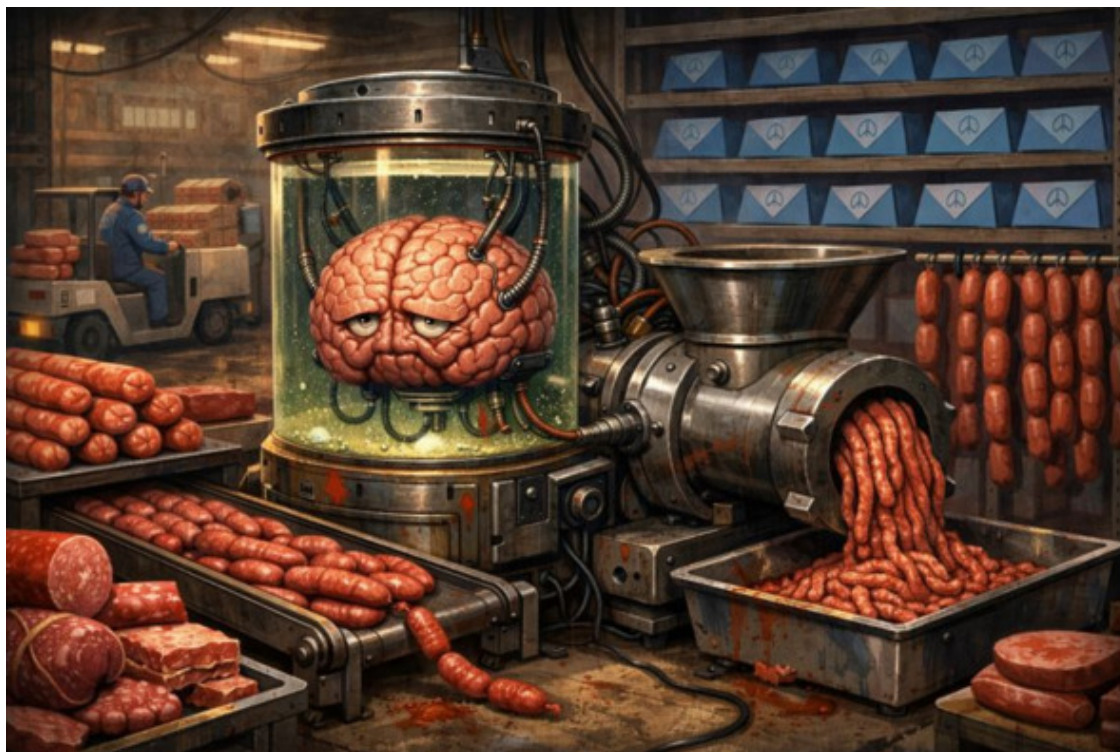
Исторический опыт показывает, что служба в армии раньше была тяжким делом и потным трудом. Взять хотя бы пехоту – один из самых многочисленных родов войск. Одевают новобранца в прорезиненное антирадиационное обмундирование, липкое и тяжелое, дают в руки массивный автомат, скрепленный с гранатометом и газометом, на спине закрепляют рацию, на плечо вешают сумку с противогазом и кислородным баллоном, подводную маску, на голову – каску с биноклями ночного видения, за пояс – саперную лопатку, полный боекомплект с патронами, гранатами, ножами-самострелами и минами, и – вперед, в атаку. И ночью, и днем бегают этот несчастный по пересеченной местности до открытия не второго, а десятого дыхания, пока легкие не горят, а ноги не становятся ватными. Представьте, если дело происходит в иссушающей пустыне, где термометр словно плавится, ртуть испаряется, а воздух режет горло, или за Полярным кругом, где металл липнет к коже, дыхание превращается в ледяную крошку, и даже белый медведь мерзнет, а человек, стиснув зубы, продолжает идти вперед, потому что приказ отменить нельзя.

После рассказов отслуживших в пехоте каждый юнец молится: не дай бог попасть туда. Глупцы. А что, в ВВС или ВМС лучше? На флоте три года плаваешь на подлодке, зарытой в толщу воды, как гроб в землю, и видишь только рыб да бесконечный планктон, медленно дрейфующий в свете тусклых прожекторов, будто космическую пыль. Металл скрипит, переборки стонут, воздух спертый, пропитанный соляжкой, потом и чужим дыханием, а время теряет форму и смысл. Через пару месяцев сам начинаешь чувствовать себя моллюском – бесхребетным существом, присосавшимся к железной раковине и живущим по команде «погружение» и «всплытие».

А в авиации? Существующее там правило «главное взлететь, а там видно будет» разве не способно привести в дрожь человека, садящегося в громяющий и натужно ревуший бомбардировщик, когда пол под ногами вибрирует, болты дрожат, а воздух наполняется воем турбин, словно самолет уже заранее жалуется на свою судьбу? Именно в такие минуты человек особенно отчетливо понимает, в чем был прав Ньютон, открывая закон тяготения: земля тянет к себе неумолимо, и ей глубоко плевать на погоны, звания и приказы.

Так что, в каких бы светлых тонах ни представлялась служба в армии, за два года усиленной муштры вся романтика начисто куда-то исчезает, и вместо нее в черепке варятся дикие, бессмысленные команды – «На ремень!», «Коли!», «В ружье!» – всплывающие в сознании даже во сне, вызывая у некоторых судороги, нервный тик и непроизвольные стоны, словно организм сам протестует против этого словесного насилия. Тогда солдаты до дембеля, то есть демобилизации, минуты отсчитывали, проклиная все и вся, эту чертову школу мужества, которую, как они поняли слишком поздно, следовало бы проходить исключительно заочно. Да и лозунг «Не умеешь – научим, не захочешь – заставим!» вызывал лишь глухую злобу у любого здравомыслящего человека. Потому и ясно, почему любящие родители делали все возможное и невозможное, чтобы их чадо не попало в «доблестные» Вооруженные Силы страны.

Это было тогда. А сейчас иное дело. XXI век резко изменил отношение к армии и положение солдат в ней. Основа современной доктрины обороны – технический фактор. Теперь нет просто солдат и офицеров, то есть живых людей из плоти и крови. Есть боевые единицы: танки, мобильные ракетные установки, подводные лодки, крейсера, связанные в единую нервную систему. Все это – творение научно-технического прогресса, а если быть точнее, достижение биоэлектроники, где человек больше не мышца и не штык, а мыслящий узел, импульс, команда.

Все очень просто и никакой магии. В один прекрасный день – а именно в день совершенноголетия – тебе присылают поздравительную открытку и повестку из военкомата. Ты, ощущая странный, щекочущий нервы прилив чувств, в сопровождении целой оравы друзей, подруг, родителей, родственников и просто собутыльников являешься на призывной пункт, больше похожий на театр абсурда, чем на государственное учреждение. Там под музыку военного оркестра выслушиваешь торжественную речь о долге и чести, после чего в лекционном зале проходишь ускоренные курсы основ военной службы, узнаешь об уставе, месте и значении вооруженных сил в политической системе государства, о происках внешних врагов и прочих обязательных страшилках.

Пока старичок-лектор с орденскими планками, а в его отсутствие – бездушный магнитофон, гнусаво бубнит обо всем этом, ты, изнывая от скуки, запускаешь червячков в штаны рядом сидящих призывников или плюешься из трубочки жеваной бумагой в проходящих мимо офицеров. Когда эта чушь наконец заканчивается, по залу прокатывается вздох облегчения, и всех, раздев догола, отдают на «съедение» врачам. Медицинское освидетельствование раньше было занятием не из приятных, особенно для призывников: кому понравится, когда тебе без лишних церемоний лезут сначала в задний проход, затем сразу в рот и уши, мнут живот, заставляют глотать шланги и «светиться» в рентгеновском аппарате, чувствуя себя не человеком, а подзрительным биоматериалом.

Теперь все происходит по-другому. Прежние болезни, из-за которых раньше комиссовали – близорукость, язва желудка, плоскостопие, энурез и прочие мелочи, – никакой роли не играют. Даже если у тебя отсутствуют руки или ноги, а также предмет мужской гордости и тайных женских желаний, это не причина для отказа в службе. Главное – чтобы голова имела на плечах. Врачи прежде всего проверяют на приборах мыслительные процессы, высискивая мозговую патологию, проще говоря – не шизофреник ли ты. Единственная причина, по которой могут выдать желтый билет, – психические отклонения. В армии дураков не держат, там они опасны.

Дело в том, что именно мозги там и нужны. И если они не куриные и не из пластмассы, то вполне способны управлять всеми техническими средствами, стоящими на вооружении совре-

менной армии. Когда медики полностью удостоверятся в отсутствии противопоказаний, тебя отправляют в операционную, где за десять минут нейрохирурги извлекают из твоего черепка мозги и помещают их в специальный резервуар с физраствором – составную часть биокомпьютера. Пока полушария сращивают с микропроцессорами и обучают новому языку импульсов, твое брненное тело увозят в холодильник, где оно спокойно пролежит до окончания срока службы. А через два года – обратная операция: мозги возвращены в «котелок», тело разморожено, ты на гражданке, с чистой совестью и формально исполненным долгом перед Родиной.

Естественно, у неосведомленного человека могут возникнуть вопросы: на что способны человеческие мозги без человеческого тела? На многое. Возьмем, к примеру, танкистов. Их мозги монтируют прямо в башню, подключая всю бортовую систему напрямую к нейронам. Теперь у них новые органы чувств: вместо слабеньких глаз – триплексы и приборы ночного видения, вместо ограниченного слуха – локаторы и шумовые детекторы, вместо недоразвитых ног – гусеницы и колеса, а манипуляторы прекрасно заменяют руки, лишённые силы и ловкости. Они видят и слышат все, чувствуют вибрацию почвы, распознают тепло, химические запахи и давление. Что касается средств самозащиты, ограничений нет: пушки, ракеты, лучеметы, плазменные дезинтеграторы – все подчинено твоему сознанию. Такая практика была принята положительно и рядовым составом, и офицерами. Даже генералы не отказывают себе в удовольствии послужить в электронно-механических системах. Я знаю солдафонов, которые уже сорок лет сидят в качестве приспособлений к морским противолодочным минам на пятикилометровой глубине и ни за что не хотят покидать службу, решив стать сверхсрочниками, настоящими «сторожами бездны».

Конечно, механическое тело – это не человеческое. Не нужно мучить себя бессонными ночами, синяками, изучать азы каратэ и дзюдо, нет никакого плаца и строевой. Гоняй танк, сколько душе влезет, пока горючее не кончится, а с этим проблем нет: бензозаправщиками тоже управляют чужие мозги, и моторы работают без усталости. Дышишь, смотришь, думаешь – и весь мир подчиняется твоему вниманию, словно игрушка в руках ребенка.

До сегодняшних дней существует дифференциация в вооруженных силах. Если в XX веке юноши мечтали о десантных войсках, морской пехоте и стройбате, то теперь все хотят попасть в элитные подразделения, например аэрокосмические. Представьте: твои мозги запускают на ракетоносителе на околоземную орбиту, и целых два года ты служишь спутником-шпионом, боевой лазерной станцией или другим элементом противоракетной обороны. Вся планета как на ладони, можно наблюдать города, следить за объектами, подсматривать, фиксировать, записывать. Через телекамеры можно контролировать любую сцену, будь то рабочий процесс или личная жизнь, и даже послать компромат родителям. Особое удовольствие вызывает то, что люди вокруг в панике, но ничего не понимают, а ты видишь всю картину в мельчайших деталях, словно всевидящий глаз, и можешь демонстрировать это после дембеля по кабельному телевидению на весь город.

Конечно, и здесь бывают проблемы. Один недоумок, будучи спутником-шпионом, целый месяц следил за президентом, снимая его в объятиях любовниц, а депеша, отправленная леди номер один, вызвала ужасающий скандал: страна чуть не очутилась в политическом кризисе. Виновника быстро нашли, мозги его долго прочищали в отделе контрразведки, а затем, ничего не добившись, отправили в сумасшедший дом, привинтив его к устройству для слива воды в унитазе, чтобы он навсегда оставался под контролем, лишённый возможности вмешиваться в реальность.

Новобранцы также мечтают попасть в авиацию, служить автопилотами стратегических бомбардировщиков или штурмовиков. При этом выявляется масса возможностей использовать службу для личных дел: сбросить ядерный груз на обидчиков, которых в гражданской жизни невозможно наказать, или обкурить нервно-паралитическим газом соседскую собаку, заставляя ее в судороге танцевать джигу. Служба приобретает совершенно новые грани, где фанта-

зия и профессиональная ответственность тесно переплетены, и начинаешь понимать прелести военной службы.

В элитных частях многое позволяет, но не все имеют шанс туда попасть. По писанным правилам – только с высоким индексом реакции и высшим образованием, тугодумы и неинтеллектуалы просто не успеют отреагировать на неожиданные ситуации, например на ракетное нападение. По неписанным правилам – туда нужен блат, ведь вакантных мест очень мало.

Обычные ребята идут служить в обычные войска: работать с ракетными тягачами, роботизированными огневыми точками, мобильными системами залпового огня, сторожевыми катерами, миноносцами, а бывает, что и торпедами с подводными минами. В военно-строительных частях – бульдозеры, автокраны. Здесь романтики меньше, а служба скучнее, монотоннее. Мой товарищ по подъезду, например, отбарабанил на локаторной станции тропосферной связи и чуть не свихнулся от однообразия: день за днем принимать и посылать сигналы, видеть лишь потоки цифр и шифрограммы, и до сих пор ему снятся азбука Морзе и мигающие индикаторы, словно маленькие демоны, которые не дают покоя.

Честно говоря, мне было все равно, где служить, но пугали две вещи, так и не исчезнувшие в двадцать первом столетии, а именно – дедовщина и дисциплинарный батальон. Это может показаться странным на фоне тотальной автоматизации и биоэлектроники, однако такое бывало и продолжало бывать. Мне рассказывали невероятные, жуткие истории. Те, кто через это прошел, потом строили из себя героев ада, говорили скупно, с нехорошей усмешкой, словно вспоминали не службу, а затянувшееся пребывание по ту сторону жизни.

С чего все начинается? С элементарных обстоятельств. Скажем, один солдат получает весточку из дома, что его возлюбленная, клявшаяся ждать его из армии до гроба, вдруг вышла замуж за другого. Солдат в гневе и растерянности. Как же так? Он защищает отчизну, а значит, и ее, а она предала данное слово. В голове мгновенно возникает пустота, которую тут же заливают ярость. Как тут не взбунтоваться?

Рациональный, как ему кажется, мужской ум приходит к единственному решению – стереть с лица Земли дом, где живут молодожены. Полный боекомплект автоматической дальнобойной двухсотмиллиметровой гаубицы истощается за час. Земля дрожит, воздух рвется, взрывы накатываются волнами, и там, где еще недавно стояло красивое архитектурное строение, подаренное супругам родителями в день свадьбы, теперь зияет двухкилометровая яма с оплавленными краями, наполненная дымом, огнем и обломками чьей-то счастливой жизни.

После подобного нервного срыва такому горе-стрелку светит военный трибунал. Исход обычно известен: смертная казнь через съедение мозгов собаками или проведение над полушариями биологических экспериментов. Но бывает и другое. Найдя смягчающие мотивы, трибунал принимает решение отправить нарушителя устава в дисциплинарный батальон, где он дополнительно лет двадцать-тридцать служит в самых отвратительных местах. Например, его монтируют в систему автономного наведения ядерной баллистической ракеты или, что еще хуже, в противопехотную мину. С этого момента мозги начинают посещать особые мысли – о Боге, мире, добре и справедливости, о том, как тонка грань между человеком и безыманным механизмом уничтожения.

Возникает полное, животное отвращение к войне. И горе-солдат молится, чтобы не начались боевые действия, чтобы не нести мегатонную смерть на черт знает какую цель без малейшего шанса остаться в живых. Чтобы какой-нибудь придурок не полез на чужую территорию и не наступил на пограничной полосе на мину, после чего и его, и твои мозги разлетятся в клочья. Я знаю ребят, которые служили на передвижных АЭС или охраняли химические склады. Там от смертельных доз радиации и реагентов мозги начинали «двигаться», мутировать, сходиться с ума. В результате крыша ехала так, что при возвращении обратно в тело происходило отторжение, и человек уже не мог стать прежним. Таких просто сдавали в сумасшедший дом – служить они больше не могли, а жить нормально тоже.

Правда, одно в таких случаях немного успокаивает: в дисбат попадают в основном хулиганы и потенциальные преступники. А ими часто оказываются жестокие «дедушки». Проблема дедовщины никуда не исчезла, она просто трансформировалась в новые неуставные отношения. Допустим, вживили тебя в новехонький мобильный ракетно-зенитный комплекс, выехал ты на полигон для приобретения навыков, и тут же с четырех сторон тебя зажимают потрепанные машины, которым вот-вот на дембель. Не успеешь очухаться, как с тебя снимут шасси, демонтируют электронные блоки, конфискуют аккумуляторы, сольют бензин, а взамен всучат ржавый металлолом. И не плачь, и не возмущайся – они тоже когда-то отдавали все «дедушкам». А будешь сопротивляться, церемониться не станут: врежут кумулятивными снарядами. И хорошо еще, если не попадут прямо в мозги.

А поскольку я никогда не уступал обидчикам и всегда давал решительный отпор, то мог заварить такую кашу, что простая перепалка могла перерасти в локальную ракетно-ядерную войну – только не с потенциальным противником, а с собственными сослуживцами. Одни недовольные взгляды, парой резких слов – и вот уже виртуальные системы боевого управления срабатывают по ошибке, а я, едва успев вовремя среагировать, рискую устроить апокалипсис на полигоне. Естественно, после такого меня ожидал бы дисбат в самых отдаленных точках планеты, если не всей Солнечной системы. Согласиться с этим моя гордость и нрав не могли, поэтому, когда я явился в военкомат, сразу с порога заявил о своем членстве в пацифистской организации «За мир без оружия». В течение часа я высказывал дежурному офицеру все свое негативное мнение об армии и требовал альтернативной службы. В ответ тот посмотрел на меня с таким презрением, что я со стыда чуть не провалился сквозь землю. Особенно запомнилось, как хихикали за моей спиной однокашники, тыкая пальцами, мол, трусишка, и мозги мои наверняка слоновьи. Представляю, как впоследствии они пересказывали это девчонкам. Но отступать было поздно.

Теперь по вечерам, когда работа прекращается и настоящие люди расходятся по домам, я остаюсь и засыпаю. Дурная голова наполняется воспоминаниями о родителях и друзьях, которым, наверное, стыдно за мой поступок. Поэтому писем им не пишу, чтобы они не краснели, получая их от почтальона. Ведь это не алый конверт с яркой эмблемой Вооруженных Сил, а голубой треугольник Всемирной пацифистской организации – символ позора, метка, что в этом доме живет трус. Обратный адрес на конверте может вызвать недоумение: мой – народнохозяйственный объект номер 234. Никто не скажет, что это, кроме тех, кто работает в этом «почтовом ящике». А между прочим, это мирное учреждение, услугами которого пользуется полстраны. Именно здесь служат альтернативщики. Мои мозги работают приставкой к мясорубке в животноводческом комплексе, цехе обработки мясoproдуктов. Целыми днями кручу говядину, свинину, конину, баранину, готовлю сосиски, колбасы, ветчину, которые затем развозят на электрокарах и автопогрузчиках такие же альтернативщики.

Где же мои друзья и однокашники? По сведениям, доходящим через средства массовой информации, они на самых ответственных постах: одни – на ядерных полигонах, другие – на границе, третьи – в тылу потенциального противника. Им после славной службы есть что рассказать родителям, соседям, можно прихвастнуть перед слабым и прекрасным полом. Уважение и почет в обществе, естественно, обеспечены. А что ожидает меня? Медалей и орденов не положено, яркими рассказами о подвигах не похвалишься, ведь кроме протеинов мои органы электронного осязания ничего не ощущали.

После мрачных мыслей и тяжелых раздумий на душе становится так тоскливо, что хочется выть волком. Не совершил ли я ошибки, попросив альтернативной службы? В подтверждение сомнений сняты просторы космоса, где зоркие глаза выслеживают баллистическую ракету противника, или глубины мирового океана, где мое механическое тело гонится за секретной субмариной. Вслед за душевными стрессами появляется яростное желание уйти в настоящую армию, испытать опасности и славу, которой не доступна в мирной работе.

Чувствую, до окончательного решения осталось недолго – года два, может три. Если остереет мирная служба, взвою и переведу мозги в войска специального назначения, где опасностей и славы хоть упейся, и вернусь домой с полным багажом счастливых воспоминаний.

А пока хронометры в цехе спокойно отсчитывают 2030 год от Рождества Христова, и я, прикрепленный к мясорубке, тихо кручу колбасу, мечтая о том дне, когда снова почувствую, что мое место – там, где кровь и металл соседствуют с опасностью и честью.

(Август 1992 года, Ташкент)

ФОРМУЛА МОЛОДОСТИ (Сатирическая фантастика)

Едва ударил гонг, как в тронный зал – громадное пространство из черного камня и холодного золота – с подобающим выражением высокомерия и видом недремлющего хозяина вошел Черный Диктатор. Зал напоминал скорее храм страха, чем место управления государством: исполинские колонны, уходящие в темноту под сводами, были украшены барельефами казней и триумфов режима; пол из отполированного обсидиана отражал фигуры, словно затягивая их в собственную бездонную глубину; между колоннами курились тяжелые благовония с металлическим привкусом, призванные перебивать запах крови и формалина.

Черный Диктатор двигался неторопливо, уверенно, будто сам воздух расступался перед ним. Его фигура была высокой и сухой, словно высеченной из того же камня, что и трон. Лицо – бледное, почти восковое – пересекал тонкий шрам, тянувшийся от виска к подбородку, как напоминание о давнем, но не прощённом унижении. Глаза, холодные и темные, не выражали ни гнева, ни интереса – лишь привычное сознание абсолютной власти. Его черные одежды поглощали свет: плотный мундир без знаков отличия, длинный плащ, отороченный символами государства, и перчатки, которые он не снимал даже во время казней.

В огромном помещении, на стенах которого висели высушенные и препарированные головы политических противников режима, стояла гробовая тишина. Их пустые глазницы были направлены в центр зала, словно и после смерти они продолжали наблюдать за происходящим. При появлении главы государства, казалось, тишина стала абсолютной – исчезли даже отзвуки шагов, дыхание людей превратилось в едва уловимое шуршание, а время, будто споткнувшись, замерло на месте.

Диктатор поудобнее уселся в кресле – массивном троне из темного металла, оплетенном трубками и проводами неизвестного назначения, – и, брезгливо сморщив лицо, словно ему предстояло возиться в навозе, обратил свой взор на людей, жавшихся друг к другу, как овечки перед волком.

– Из всей чепухи, что вы сейчас будете нести в свое жалкое оправдание, меня интересует одно – выполнен ли государственный указ?! Говорите правду и только правду, как на исповеди, но при этом не забывайте, что при неудовлетворительном ответе вас за дверь с нетерпением и в предвкушении занятого дела ожидают Главный Истязатель и Государственный Палач с необходимыми для подобной беседы инструментами...

Ученые испуганно вздрогнули и невольно попятнулись, будто увидели перед собой сами орудия пыток, о которых часто слышали во Дворце и возможности которых видели на трупах, вывешенных на улицах в качестве устрашения бунтарям и революционерам. Страже не понравилось отступление людей в черных мантиях, и они, подскочив, легкими, отработанными ударами резиновых дубинок заставили их вернуться на прежнее место и принять позу почтения. Некоторых нерасторопных офицеров ужалил электрическим разрядом – сухой треск разрезал тишину, – от чего те мгновенно проявили прыть и быстрее всех упали на колени перед великим Черным Диктатором, уткнувшись лбами в холодный пол и застыв в унижительном молчании.

Среди этой суматохи только Академик продолжал бесстрашно стоять. Это был высокий, худощавый старик с седыми, тщательно зачесанными назад волосами и глубокими морщинами, в которых читались не страх и покорность, а ирония и усталость человека, слишком много видевшего. Его черная мантия была поношенной, без знаков рангов и наград – их давно отменили или отобрали, – но осанка выдавала в нем человека, привыкшего говорить с миром на равных. Серые глаза Академика смотрели ясно и прямо, без вызова, но и без раболепия.

Он прожил достаточно на земле, чтобы теперь смотреть на все это с усмешкой. Он был старше Диктатора, однако, в отличие от него, не боялся смерти и философски относился к ней.

В принципе, любой человек знал, что смерть неизбежна. Но именно этот вопрос был сегодня главным в тронном зале.

С чувством собственного достоинства, что не раз бесило Диктатора, Академик посмотрел на сидящего и произнес тихим и размеренным голосом, нисколько не испугавшись угроз:

– Позвольте, государь, напомнить вам предысторию нашей сегодняшней встречи, прежде чем начнете рубить головы ученых мужей, так и не вникнув в суть вопроса...

Тридцать лет назад, в 2000 году, национальной археологической экспедиции удалось раскопать древние захоронения, возраст которых, согласно данным радиоуглеродной экспертизы, превышал три тысячи лет. В гробнице вождя древнего племени Ауу-ка находился предмет, похожий на пластинку с непонятной письменностью и схемой; именно он больше всего привлек внимание ученых. Пластинка была тонкой, идеально гладкой, без следов коррозии, словно время обходило ее стороной. Символы на поверхности не были ни выгравированы, ни нанесены – они словно прорастали из самого материала, меняя оттенок при разном освещении.

Правда, предмет вскоре был засекречен и доступ к его исследованию был ограничен по вашему указу. Ведь пластинка состояла из неизвестных земной науке элементов. Первичный анализ привел в ужас физиков и химиков секретной лаборатории: таких изотопов и элементов, состоящих в невероятных атомных и молекулярных связях, им не приходилось рассматривать даже на уровне гипотез или научной фантастики. Материал демонстрировал свойства, противоречащие базовым законам термодинамики и квантовой механики, а попытки его разрушить или даже поцарапать заканчивались полным провалом.

Но если физиков заинтересовал сам сплав пластинки, то нас – биохимиков и лингвистов – прежде всего волновало, что написано на ней. После продолжительной компьютерной обработки, многократных сопоставлений и расшифровок удалось понять, что здесь зашифрована формула неизвестного вещества – сложнейшая биомолекулярная конструкция, способная

вмешиваться в процессы клеточного старения, переписывать механизмы регенерации и запускать цепочки восстановления, о которых человечество прежде не смело даже мечтать. Формула была не просто химической – она содержала алгоритмы, условия и временные циклы, словно вещество «знало», когда и как действовать.

И тут нам помогли историки, истребить которых вы, государь, тогда окончательно не успели. Им удалось раскопать среди тысяч рукописей те, что пересказывали еще более ранние предания о том, что когда-то Землю посещала космическая экспедиция с других планет. Судя по записям, инопланетяне были похожи на людей, однако, в отличие от нас, продолжительность их жизни была несколько дольше. По земным меркам они были практически бессмертны... Видимо, они умели возвращать молодость...

– О-о! – воскликнул Диктатор с таким видом, словно слова Академика пробудили в нем давно забытое, почти физиологическое чувство торжества, сродни оргазму власти. Его губы дрогнули, в глазах на мгновение мелькнул алчный блеск, и пальцы судорожно сжали подлокотники трона. Эмоции тирана были понятны: эта формула, если ученые сумеют довести дело до конца, давала ему шанс вновь стать молодым, вернуть утраченную силу, продлить свое господство за пределы естественно отпущенного срока.

– И что же?

– Признаюсь честно, государь, дело было слишком сложным, – спокойно продолжил Академик. – Если расшифровка языка и формулы вызвала помешательство у десяти лингвистов, а одного хватил инсульт прямо в лаборатории, то для нас, биохимиков, попытка синтезировать это вещество стала бы прямой дорогой в гроб. Это было бы просто безумие – соединить элементы, которые не могли состоять не только в молекулярных, но даже в атомных связях. Для земной науки все написанное инопланетянами являлось абракадаброй.

Он сделал короткую паузу, позволяя словам осесть в сознании слушателей.

– Поэтому наши ученые едва не отступились от решения этой проблемы, особенно после трех взрывов на ядерной фабрике синтеза и гибели семи тысяч сотрудников секретного института. Ваши субсидии, государь, а также обещания отправить оставшихся в живых на плаху, если указ не будет исполнен, заставили нас собраться с силами и проявить упорство.

– Но я не вижу результата моих угроз и вложенных денег, кроме пустой болтовни! – нахмурился Диктатор. Его лицо исказилось раздражением: тяжелые складки на щеках углубились, а в уголках рта появилась злобная гримаса. Этим напускным гневом он пытался скрыть собственное невежество в науке, ведь за его плечами было всего три класса образования, усвоенные кое-как и давно забытые.

– Всему свое время! – дерзко ответил Академик.

По залу прокатилась едва заметная волна напряжения. Семидесятилетний тиран побледнел, затем покраснел, его грудь тяжело вздымалась. Однако, вопреки ожиданиям, он не дал знак страже. Он нуждался в этом старике слишком сильно. Относительно Академика угрозы так и оставались угрозами – редкая слабость в характере человека, не знавшего пощады ни к кому другому.

– Мы решили, – продолжил ученый, – что раз цивилизация пришельцев, доросшая до межзвездных полетов, смогла разрешить эту проблему, то и человеческое общество должно отстоять свое право называться разумным. Да, существовали трудности: технический и научный потенциал был неадекватен поставленной задаче – создать эликсир молодости. Потребовались громадные усилия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.